



Андрей Юрьевич Ерпылев
Слуга царю...
Серия «Зазеркальная империя», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121638
Слуга царю...: Армада, Альфа-книга; М.: 2004
ISBN 5-93556-441-6

Аннотация

Иные миры... Они, как паутинки по осени, пронизывают пространство и время, пугающе манят в неизведанное, предсказывают будущее и открывают потайные двери в прошлое. Нет ничего увлекательнее и драматичнее путешествий в иные миры, особенно если тебя зовут Александр Бежецкий и ты за свою сравнительно недолгую жизнь побывал и майором-десантником, и жандармским ротмистром, и даже монархом.

Когда позади смерть, а впереди воскрешение из мертвых – выбора нет, особенно если помнить, что миров много, а Отечество едино – твоя Россия. Так послужим царю и Отечеству!

Содержание

1	5
2	15
3	22
4	27
5	32
6	42
7	47
8	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Андрей Ерпылев Слуга царю...

Светило, катясь в своей извечной колеснице над поверхностью небольшой голубой планеты где-то на периферии Галактики (ее обитателям всегда казалось, что это именно так, а вовсе не наоборот, поэтому не будем отступать от избитого штампа), как раз пересекало самый крупный материк, занимающий большую часть ее северного полушария.

Отражаясь в морях, озерах и реках, освещая обширные равнины и густые леса, переваливая через горные хребты и заглядывая в долины, оно неутомимо продолжало свой бег, даря радость миллионам населявших эту землю людей, встающих вместе с ним и лежащих спать после его захода...

Если бы границы между странами существовали не в виде условных линий, отмеченных кое-где полосатыми столбами и вспаханнами с разной степенью тщательности контрольно-следовыми полосами, а были прочерчены разноцветными линиями, как на географических картах, мы бы поняли, что сейчас оно находится в зените над самым величайшим государством этого мира (и по размеру и по значимости) – Российской империей, вернее, прямо над серединой ее обширной азиатской части.

Да, к слову сказать, в этом мире солнце никогда над Империей и не заходило...

1

Вертолет качнуло, Александр очнулся от дремы (по неистребимой десантной привычке он умудрялся спать всегда, когда предоставлялся случай, даже несмотря на рев двигателя), поглядел на наручные часы, потянулся так, что хрустнули суставы, повертел шеей, морщась от боли в затекших мышцах, и прижался лбом к прохладному стеклу иллюминатора.

Картина за бортом, несмотря на пролетевшие два часа, почти не изменилась: все та же неопрятная рыжая щетинистая шкура, которую и здесь некоторые неисправимые романтики называют «зеленым морем». Как там в песенке? Забывшись, Бежецкий промурлыкал под нос:

– Под крылом самолета о чем-то поет зеленое море тайги...

– Что вы сказали? – стараясь пересилить шум двигателя, проорал ему на ухо профессор Кирстенгартен, сидевший рядом.

– Ничего! – тоже наклонившись к нему, прокричал в ответ Александр. – Восторгаюсь красотами природы!

– О да, да! Таежная красота – это очень, очень прекрасно! Вундербар! – пробубнил землисто-бледный немец, всю дорогу тщетно боровшийся с морской, вернее воздушной, болезнью и регулярно, сверяясь с огромным карманным брегетом, явно антикварным, глотавший какие-то таблетки из пестрого аптечного пузырька, жадно запивая их патентованной минеральной водой без газа «Россо-Спа». – Я давно живу в России, но сюда, добирал... выбирал...

– Выбрался? – подсказал Александр профессору.

Несмотря на немецкую педантичность, профессор Кирстенгартен оказался довольно неплохим мужиком, хотя и мог, конечно, служить настоящей иллюстрацией классического жюльверновского ученого, какого-нибудь профессора Бербанка или нелепого Жака Паганеля.

– О да, да! Конечно выбрался! – обрадовался Леонард Фридрихович (бог знает, как его там звали в Германии: Леонард-Фридрих или как-то еще), постоянно и неустанно (не без успеха, нужно сказать) шлифовавший свое русское произношение. – Сюда я еще выбрался в первый раз...

Вертолет снова чувствительно качнуло, и профессор, окончательно позеленев и запнувшись на полуслове, принялся суетливо шарить по карманам, хотя спасительная склянка мирно стояла на откидном столике прямо под его носом, увенчанным монументальными очками в толстенной оправе. Александр перегнулся через острые колени Кирстенгартена, обтянутые клетчатым сукном брюк, модных лет эдак пятнадцать-двадцать назад, дотянулся до флакона, передал лекарство страждущему и снова отвернулся к иллюминатору.

Мало-помалу гипнотическое зрелище медленно проплывающего далеко внизу за толстым стеклом однообразного пейзажа снова навяло с детства знакомые строчки:

– Летчик над тайгой верный путь найдет, прямо на поляну посадит самолет...

– Что вы сказали? – снова любопытствовал Леонард Фридрихович, уже слегка порозовевший после изрядной дозы своего снадобья.

– Да так, господин профессор, фольклор...

– О, русский фольклор – это очень, очень интересно!

Бежецкий вздохнул и довольно невежливо прикрыл глаза, чтобы не в меру общительный немец наконец отвязался. С закрытыми глазами, кстати, и думалось лучше...

* * *

Вот и минуло уже более полугодом с того памятного дня, как они с близнецом, с Бежецким-вторым (или первым), стояли друг против друга на песчаном берегу близ Стрельни, захлестываемом волнами близкого шторма. Руки сжимали рукоятки пистолетов, и казалось, что вот-вот прозвучит роковой выстрел... Выстрел, а не выстрелы, потому что Александр твердо тогда решил, что сам стрелять не будет или, в крайнем случае, если подопрет «дуэльный кодекс», так и не удостоившийся пристального прочтения «от доски до доски», разрядит свой «токарев» в воздух. Не пришлось, слава Всевышнему...

Не пришлось, потому что их так и не состоявшуюся никогда дуэль прервали. А потом все (как в другой, правда, песне) закрутилось, понеслось... Очень скоро все эти бредни насчет дуэли, выяснения отношений стали казаться нелепым фарсом, буффонадой, баловством двух пресыщенных жизнью великовозрастных мальчишек...

Александра тогда просто-напросто призвали.

Призвали, конечно, не как сопливого пацана, которого приходится отрывать «с мясом» от юбки любящей мамочки, чтобы заставить послужить Родине. Ничего подобного. Призвали сурово и властно, как человека военного, как патриота России, как единственного на тот момент (прочном «съехавший с глузда» Илья Евдокимович – не в счет) прибывшего «оттуда». Призвали перед лицом неизвестной и нежданной опасности, неявной пока и до конца не понятой, возникшей ниоткуда, но угрожавшей самим устоям государства Российского, если не всей Европе, а возможно, и миру подлунному.

Неведомой ранее обоими Бежецкими службой, к Корпусу имевшей довольно поверхностное отношение, как, впрочем и к легендарной и полумифической Службе внешней разведки и к другим подобным организациям, широко известным среди праздной публики по бульварным романам и ханжонковским приключенческим сериалам. Создавался некий отдел, закамуфлированный под сугубо научное учреждение. Да, собственно говоря, научным на девяносто пять процентов он и был... Всего на девяносто пять процентов.

Отдел (неизвестно какого целого, кстати) был призван выявить и всесторонне изучить реальность проникновения в привычный мир извне, а также по возможности отыскать и блокировать все или подавляющее большинство из путей «инвазии»,¹ то есть, попросту говоря, «ворота». Не будет этой возможности – ликвидировать их всеми имеющимися средствами. Вот для этой цели, довольно далекой от науки как теоретической, так и прикладной, существовали лишние пять приземленных процентов.

Опять же неизвестно кем Александр был назначен сотрудником данного отдела с определенными, жестко и внятно прописанными обязанностями и окладом. Денежное содержание хотя и оказалось не вполне сопоставимым с жалованьем дворцового, тем более монарха европейской державы, охранника коим Бежецкому удалось побыть всего каких-то пару недель, но все же в несколько десятков раз естественно, в пересчете на подзабытую уже «деревянную» валюту – превышало скудное (если не выразиться крепче, что, согласитесь, непристойно для данного повествования) довольствие майора воздушно-десантных войск Советской, а потом и Российской армии. Сюда следует добавить служебный транспорт (тоже отнюдь не «жигули»), приличную даже по здешним меркам ведомственную жилплощадь с прислугой, выполнявшей, кажется, кроме своих прямых (и не прямых, хм...) обязанностей функцию негласного надзора за экс-майором, экс-ротмистром, экс-монархом... Да и экс-Бежецким, как оказалось.

¹ Инвазия – проникновение, вторжение. – Здесь и далее примеч. автора.

Вид на жительство Александру был выписан на имя некоего дворянина Нижегородской губернии Александра Павловича Воинова и гарантировал относительную свободу передвижения в пределах Империи. Понятное дело, абсолютной никто и не обещал, принимая во внимание веские причины и разного рода обстоятельства. Ладно хоть имя-отчество сохранили и при этом не каким-нибудь Выгузовым, Череззаборногузадерещенко или Шниппельсоном обозвали, а дали благозвучную фамилию, созвучную «старой профессии».

К минусам, кроме упомянутой выше прислуги, которая, если отбросить вполне презентабельный внешний вид и манеры, весьма напоминала конвоиров, относилось и то, что «новорожденному» дворянину Воинову пришлось некоторое время пожить в некоем Центре, до дна испив чашу страданий подопытного кролика. Чаша сия, дорогие мои господа, была горька-а-а... Но... Оставалось, стиснув зубы, уповать на то, что «кроличьи» страдания на глазах целой армии разного рода научных работников, включая и мучившегося сейчас в соседнем кресле милейшего Леонарда Фридриховича – между прочим, антрополога и настоящего светила в своей области, – не были напрасными, если не для России, то для науки, так сказать, вообще...

Впрочем, никаких кардинальных расхождений между двумя Бежецкими, со своей антропологической колоколенки профессору Кирстенгартену выявить не удалось, и, устав разгадывать широко известную и здесь головоломку под названием «найди десять (двенадцать, пятнадцать и так до бесконечности) различий», дотошный немец к обоим Александрам охладел. Да-да, второй (или опять же первый?) Бежецкий, ротмистр, князь (вы не ошиблись, с некоторых пор – уже не граф, а князь) и местный уроженец, также был вынужден время от времени отрываться от исполнения своих прямых обязанностей, которых было немало. Командира доблестных лейб-гвардии улан, супруга великой княгини-матери Елены Саксен-Хильдбургхаузенской, а главное, отца и сорегента при благополучно появившемся на свет в декабре прошлого года великом князе Георге-Фридрихе-Эрнсте II, а попросту, по-русски, Гошке, мучили ничуть не меньше его аналога.

К слову сказать, Александру, представленному троюродным кузеном (спасибо гримерам Службы, истинным кудесникам своего дела), довелось четыре с небольшим месяца назад присутствовать при крещении маленького монарха, пока еще сучившего ножками и пускавшего пузыри (да и не только пузыри!) в батистовых пеленках с собственноручно вышитыми счастливой мамашей сдвоенными гербами Бежецких и Саксен-Хильдбургхаузенов. Замечу, что герб Ландсбергов фон Клейхгофов теперь занимал на гербовом щите великого княжества, и так сильно смахивающем на лоскутное одеяло, центральное почетное место, оттеснив предыдущего фаворита – вздыбленного червленого льва на серебряном поле – куда-то на периферию. Чего стоила эта церемония...

Хорошо хоть великая княгиня-мать удовлетворилась невнятным объяснением мужа и ничем не выделила лжекузена из десятков приглашенных на церемонию, милостиво и индифферентно улыбнувшись, протягивая руку для поцелуя. Безмерно довольный появлением долгожданного внука, пусть и не вполне русского, но, несомненного, продолжателя рода, граф Бежецкий-старший, сиявший парадным мундиром и регалиями, попросту не обратил внимания на странного «родственника», маячившего в почтительном отдалении, но матушка... Недаром говорят, что материнское сердце не обманешь. Как ни прятался Александр в дальнем от Марии Николаевны углу, она, временами отвлекаясь от радостных, новых для себя обязанностей бабушки, все равно бросала пытливые взгляды в его сторону. Чтобы не допустить позорного провала, новоявленному Джеймсу Бонду пришлось ретироваться под первым же благовидным предлогом...

Служба же, поначалу казавшаяся чистой синекурой и чуть ли не завуалированной пенсией, мало-помалу становилась все интереснее...

* * *

– Просыпайтесь, Александр Павлович, просыпайтесь! – деликатно теребил за плечо не на шутку разоспавшегося Бежецкого профессор Кирстенгартен. – Просыпайтесь, мы при... э-э... Приехали? Нет, мы прилетели!..

Александр протер глаза и снова поднес к лицу руку с часами. Да, придавил он неслабо! Три часа как с куста!

– Спасибо, Леонард Фридрихович, – учтиво поблагодарил он, в очередной раз едва не сломав при этом язык, и прильнул к иллюминатору.

Пейзаж за окном не особенно изменился, но само поведение вертолета, описывающего теперь над тайгой огромные круги, говорило о том, что пилот сейчас, как в песне, подыскивает удобное для посадки место.

В салоне же царило горячее оживление. Уныло дремавшие дотоле ученые заметно воспрянули духом: обменивались пространными мнениями, спорили, пытались бегать по тесному салону, раскачивая и без того неустойчивое воздушное суденышко, что в зародыше пресекалось двумя подчиненными Александра, широкими в плечах и к науке имевшими отношение слабое. Двое «научников», расчехлив какой-то сложный агрегат (вся техническая сторона экспедиции лежала вне компетенции Бежецкого), теперь всю крутили верньерами настройки и щелкали кнопками напоминавшей компьютерную клавиатуры, уставившись в монитор, бросавший цветные отсветы на их очкастые физиономии. Конечно, вполне могло стать, что два великовозрастных дитяти увлечены какой-нибудь игрой типа пресловутого «Doom'a», но логичнее было бы все же заподозрить высоконаучную деятельность: оклады вышеназванные господа получали отнюдь не аховые, не шедшие даже ни в какое сравнение с уже упомянутым начальственным.

В своей прежней жизни Александр мало интересовался жизнью и бытом всякого рода яйцеголовых, слегка даже презирая всю ученую братию за ее абсолютную непригодность к настоящим, мужским, занятиям. Хватило с лихвой знакомства со всякими, неведомо как попадавшими в воздушно-десантные войска маменькиными сынками, носящими, по словам главного матюгальника училища полковника Довганя, очки «с вот такими, п..., стеклами», и с не менее отрешенными от всего сущего офицерами-«годичниками», закончившими какой-нибудь вуз без военной кафедры. Из первых за два года нужно было сделать крепких мужиков, по возможности не допустив при этом причинения вреда самому «воину» (чаще всего – им самим), не говоря уж об окружающих, а со вторыми – запастись терпением, считая втихаря дни, оставшиеся до дембеля, этих чудес природы. Неизвестно, что думали другие, но Бежецкому всегда было безумно жаль таких жертв всеобщей призывной системы, вынужденных вместо того, чтобы развивать и совершенствовать свое главное достоинство – мозги, сушить их, надрываясь на непосильной и ненавистной для них службе... Все эти наблюдения положительных факторов к уже сложившемуся мнению, увы, не добавляли. К тому же постоянное нытье о недостатке финансирования, мизерных зарплатах, утечке умов...

И вот на тебе – совершенно иной тип жреца науки: без каких-либо комплексов, зачастую спортивный, а наукой своей увлеченный без остатка, без всяких там земных забот! Конечно, если бы всех этих живчиков посадить на грошовое жалованье, отобрать суперпуперские игрушки, погонять на картошку, субботники и военные сборы... Энтузиазма и лоска, наверное, поубавилось бы. Хотя... Не всегда же и здесь, наверное, существовали тепличные условия для ученых.

Закрепленная возле уха Бежецкого электронная цапка, наверняка созданная тоже кем-то из высоколобых, пискнула и сообщила голосом пилота:

– Площадка для приземления выбрана. Снижаемся...

Вертолет наконец клюнул носом, должно быть решившись, и заскользил вниз к разом выросшим кронам деревьев, вернее к небольшой пропелсине сероватого снега между ними, еще и не думавшего таять.

– Прямо на поляну посадит самолет... – допел привязавшийся куплет Бежецкий, когда полозья вертолета коснулись земли и зубы ощутимо клацнули, несмотря на все предосторожности...

* * *

Путь к намеченной цели оказался отнюдь не загородным променадом в выходной день, каким он казался поначалу участникам экспедиции.

Уже через несколько часов лыжной прогулки «научники» заметно выдохлись, что Бежецкий легко определил наметанным за годы службы взглядом. Шуточки и подколки, коими ученые мужи бодренько обменивались в начале маршрута, едва нацепив «снегоступы» под ненавязчивым контролем инструкторов-конвоиров, усиленно прикидывавшихся носильщиками и охранниками, постепенно сошли на нет. Теперь даже по спинам интеллектуалов, запакованным в патентованные куртки на гагачьем пуху, над которыми уже вился парок, легко читалось, что неплохо было бы гадам-вертолетчикам подбросить экспедицию поближе к красному кружочку на карте, являвшемуся конечным пунктом затянувшегося марш-броска. И не иначе злобные вояки теперь потешаются над бедными очкариками, отсиживаясь в тепле и уюте...

Вопреки всем ожиданиям солнце как-то не по-сибирски быстро упало за кроны столетних кедров, и внизу начал стремительно сгущаться полумрак, быстро перетекающий в мрак абсолютный. К тому же к вечеру заметно подморозило, и торить лыжню в рыхлых не по-весеннему сугробах стало трудновато. Четверо идущих впереди профессионалов (двое подручных Александра, конвойный казак и проводник) не могли утрамбовать в достаточной степени снег, стремительно превращавшийся на морозе в подобие речного песка, и то, что творилось за их спинами, не поддается описанию... Чтобы не мыкаться в поисках ночлега в полной темноте, Бежецкий наскоро выбрал более-менее удобную прогалину между стволами вековых кедров и, плюнув на график, составленный, видно, местными «паркетными стратегами», памятными майору ВДВ по прежней жизни, отличающимися всегда и всюду непробиваемым оптимизмом (за чужой счет), скомандовал привал.

– Десять минут перекура, и в темпе готовимся к ночлегу, господа ученые! – пришлось предупредить тех, кто, утомившись до полного истощения своих кабинетных сил, готов был заночевать прямо в снегу, даже не снимая лыж.

Так как явного понимания среди до смерти уставшего научного контингента встречено не было, Александр махнул рукой на этих, за малым исключением, бородатых детишек, жаловавшихся друг другу вполголоса на тяготы пути, злодея начальника – явного солдафона, хоть и без погон – непредсказуемую российскую природу (а чего они, интересно, ожидали от Сибири в марте месяце?) и вообще на мерзость окружающей действительности. Вместе с проводником-тунгусом, «секретарями» и всеми тремя казаками, «злодей начальник» занялся обустройством лагеря. Чуть позже к ним присоединился воспрянувший на свежем воздухе духом Леонард Фридрихович, правда, больше мешавший, чем помогавший, но, тем не менее, пышущий заразительным тевтонским энтузиазмом, а немного погода и заросший бородой по самые очки приват-доцент Казанского университета Смоляченко.

Специалист по каким-то там малопонятным Бежецкому «квантовым флюктуациям в пи-мезонном поле» (так или очень похоже именовался его научный конек), Леонид Тарасович был истинным разночинцем, сыном многодетного дьячка с Полтавщины, интеллигент-

том в первом поколении, слава богу, не изнеженным и беспомощным в житейском плане, как почти все остальные. Одним словом, рабочих рук (даже если не принимать во внимание потуги неугомонного Кирстенгартена) хватило, чтобы за полчаса с небольшим, оставшиеся до наступления полной темноты, натаскать гору валежника, запалить поистине пионерский костер и разбить две внушительные армейские палатки, в которых без каких-либо проблем разместилась бы и более многочисленная команда. Положа руку на сердце, следует заметить, что для всей мощной умственным потенциалом, но невеликой числом экспедиции хватило бы и одной, даже с запасом, что, кстати, первоначально и планировалось, но... Еще обсуждая с руководством нюансы предстоящего похода, Бежецкий выразил сомнение в том, что ученые мужи будут довольны соседством с сиволапой охраной, не говоря уже об отродясь не мытом проводнике, и, воспользовавшись длительным раздумьем высоких чинов, проворно выцарапал вторую...

Нелишним сейчас был бы секрет из пары вооруженных автоматическими карабинами Мосина казаков, но по здравом рассуждении Александр отменил эту, очевидно излишнюю, предосторожность, проистекавшую из несколько шизофренической предусмотрительности досыта «нюхнувшего горячего» вояки, отправив несостоявшихся часовых за дополнительным топливом.

«Что за паранойя, майор! – не упустил случая подколоть себя Бежецкий. – Не Афган, не Чечня, в конце концов!..»

Вместе с Леонардом Фридриховичем, воспользовавшимся случаем объяснить симпатичному ему военному суть своей последней работы, краем имевшей к нему, грешному, касательство, но «еще» (о пресловутая ученая наивность!) неопубликованной, они подтаскивали к лагерю солидную корягу, едва-едва выколупанную из огромного сугроба (Бежецкий всерьез опасался, как бы сия штукавина не оказалась крышей берлоги местного лесного хозяина, но, что делать, настырный немец хотел доставить к костру именно ее), когда от освещенных костром палаток потянуло соблазнительным ароматом съестного. Поперхнувшись на полуслове, проголодавшийся антрополог удвоил усилия, и чертова коряга вроде бы сразу полегчала на несколько килограммов.

Глазам топливозаготовителей, едва ли не бегом преодолевших последние метры колючих еловых заграждений, предстала весьма занятная картина: только что умиравшие от усталости «научники» уже сгруппировались у весело постреливающего искрами огня и потирали руки в предвкушении трапезы, подтверждая делом известную всем поговорку о сошке и ложке...

Когда же первый голод был утолен, сам собой, как это бывает сплошь и рядом в сообществах, состоящих из людей увлеченных, завязался разговор, незаметно перетекший в настоящий научный диспут. Уже через пять минут профессор Николаев-Новоархангельский, физик какого-то совершенно специфического направления, громил антинаучную позицию, занятую неким профессором М.

Агафангел Феодосиевич, во всеуслышание заявлявший, что практическая сторона поиска проходов в сопредельные пространства (соблюсти хотя бы формально тайну экспедиции в столь малодисциплинированной компании было невозможно, поэтому на нее почти сразу махнули рукой его интересуют мало, держал речь, выпрямившись во весь свой недюжинный поморский рост и размахивая походной алюминиевой ложкой, с которой во все стороны летели горячие брызги похлебки. По его словам, он всеми силами стремится проверить некие понятные ему одному соображения и только по этой прозаической причине принял приглашение присоединиться к данному научному коллективу. Виножник профессорского гнева академик Мендельсон по какому-то напрочь отметаемому докладчиком недоразумению присутствовал тут же и невозмутимо хлебал точно такой же ложкой аппетитное варево, помалкивая до времени. Остальные, заинтересованно поблескивая глазами и

очками (в подавляющем, увы, большинстве), поминутно отрывались от процесса поглощения «Супа горохового с копченостями, консервированного», сдобренного консервированной же говядиной «Товарищества Мясниковы и К^о» и парой-другой вполне натуральных рябчиков, чтобы вставить либо глубокомысленное замечание, либо высказать категориическое несогласие с оратором.

Надо сказать, что рябчики к столу как-то совершенно незаметно для всех остальных были добыты во время дневного марша проводником, упорно сохранявшим инкогнито и прозванным всеми просто Тунгусом. Не отставал в споре от других, преимущественно физиков и математиков, и Леонард Фридрихович. Как мы уже упоминали, сфера его научных интересов – антропология – лежала несколько в стороне от животрепещущей темы, но пересилить себя он просто не мог. Вторил ему вообще непонятно зачем здесь оказавшийся лингвист по фамилии Наливай, абсолютно, по данным его личного дела, придирчиво изученного Александром перед экспедицией, непьющий.

– Я хотел бы отметить очевидную беспомощность гипотезы господина М. относительно возможности разрыва пространственно-временного континуума, в просторечии именуемого многими присутствующими здесь – совершенно дилетантски, между прочим, – проходом, только в области локального пересечения...

– Не могу с вами согласиться, Агафангел Феодосиевич, – облизав ложку встрял Карл Готлибович Логерфельд, не только выдающийся ученый, как и большинство здесь присутствующих, но и член многих уважаемых академий, включая Российскую академию наук. – Гипотеза Михаила Абрамовича, которого вы, что замечу, совершенно недопустимо с точки зрения элементарной вежливости, упорно называете «господином М.», не только не является беспомощной, но, наоборот, весьма и весьма изящной, объясняющей многие нюансы теории сопряженных пространств Феоктистова-Левинзона, известной подавляющей части собравшихся здесь...

Последовал широкий жест почему-то в сторону заворуженно слушавших докладчика казаков и проводника, даже забывавших время от времени прихлебывать остывающий в их ложках суп.

По-прежнему сохраняющий молчание академик Мендельсон привстал с места и, перегнувшись своим долговязым телом сразу через несколько голов, ответил на поддержку коллеги крепким рукопожатием.

– И тем не менее, – продолжал витийствовать физик-помор, намеренно не замечая явной иронии академика Мендельсона, выбранного им мишенью для своих эскапад. – Согласно расчетам присутствующего здесь восходящего светила квантовой физики господина Смоляченко, – кивок в сторону засмущавшегося бородатого «светила», как раз в этот момент пытавшегося в третий раз зачерпнуть из котелка «со дна пожиже», – равно как и данным, полученным экспериментальным путем, хм, вашим покорным слугой...

– Именно, – тихонечко подал голос Михаил Абрамович.

Замечание, казалось отпущенное без конкретного адреса, в пространство, вызвало бурный протест со стороны выступающего (другого определения Александр просто не подобрал).

– К чему этот сарказм, господин Мендельсон? – Возмущенный Агафангел Феодосиевич впервые обратился к академику не в третьем лице, а, так сказать, напрямую. – Всем известен ваш, с позволения сказать, метод построения научной гипотезы! Я...

Бежецкий, борясь с коварным Морфеем, отчаявшимся, похоже, вникнуть в суть беседы и начавшим властно склеивать его веки сразу после начала заседания «научного совета», честно пытался уловить нить диспута, все время ускользающую от него, и с удивлением глядел на казаков, которые, казалось, с пониманием слушали «умные речи», не забывая, впрочем, наворачивать уже далеко не первую порцию (время от времени они отлучались куда-то

на минутку, непременно парой, и возвращались, вытирая усы, причем понимания и соперничества «коллегам» в их глазах добавлялось с каждой походкой). Даже Тунгус, без сомнения принимающий перепалку «русских шаманов» за какую-то диковинную разновидность камлания,² старался не пропустить ни слова, что ясно читалось по его лицу, словно вырезанному из растрескавшегося древесного среза, прихотливой игрой света превращенному в затейливую первобытную маску. Замутненному дремотой мозгу Александра мерещилось, что вот-вот дитя таежной глуши встанет, одернет расшитую бисером малицу из оленьей шкуры, доставшуюся, судя по неистребимому «аромату», еще от деда, если не от прадеда, деликатно откашляется и провозгласит что-нибудь вроде: «Уважаемые господа, здесь собравшиеся...» А господа, здесь собравшиеся, внимательно выслушают нового оратора, ничем не выражая своего удивления тем, что он вовсе не в академической мантии, а... А почему не в мантии? Вот же она, черная и блестящая, наверное шелковая, а на голове вместо привычного невообразимой формы малахая – квадратная ермолка...

Клюнув носом и поймав себя на том, что незаметно отключился, Бежецкий вскинулся и, придав лицу, как он надеялся, нейтрально-вдумчивое выражение, снова попытался вслушаться в научную абракадабру. За столом... тьфу, за костром, за время его невольного отсутствия страсти заметно накалились.

Над костром возвышался уже не один Николаев-Архангельский, а по разные стороны пляшущих языков пламени целых четверо содокладчиков, обвиняюще тычущих друг в друга указующими перстами и сыплющих настолько специфическими терминами, что Александр и прочие неосведомленные слушатели, включая Тунгуса, только хлопали глазами, улавливая лишь отдельные смутно понятные слова: «пространство... разрыв... квант...», естественно, междометия и убийственно вежливые обращения, которыми спорщики гвоздили своих оппонентов. Отбросил свою первоначальную сдержанность и академик Мендельсон, пышущий праведным гневом и, если бы не мешающее этому пламя костра, давно вцепившийся бы в окладистую бороду поморского Эйнштейна. К моменту пробуждения Александра он, видимо, практически разгромил неопровержимыми аргументами своего противника и теперь, набрав воздуха в цыплячью грудь, прикрытую немудрящим свитерком домашней вязки под распахнутой «аляской» (непременно потребовать, чтобы застегнулся, младенец великовозрастный – градусов десять-двенадцать ниже нуля на дворе!), готовился добить его, несколько сникшего, окончательным, хорошо продуманным и выверенным ораторским периодом.

– И наконец, милостивый государь, хочу вам заметить, что...

Что хотел заметить «милостивому государю» оратор, так и осталось неизвестным, потому что где-то, совсем неподалеку, перекрывая и треск костра, многословную перепалку заведшихся не на шутку ученых, раздался низкий, не похожий ни на что протяжный рев, перешедший сначала в горловое сиплое рычание, а затем в визг и замерший на невыносимо высокой тоскливой ноте.

По вмиг побледневшим даже в золотистых отсветах костра физиономиям сразу осевших спорщиков и насторожившейся Тунгуса Александр понял, что голос неизвестного таежного обитателя ему отнюдь не почудился спросонья...

* * *

Невыспавшиеся и, как выразился один из казаков, «квелые» после кошмарного ночлега ученые немного оживились только с первыми лучами неяркого солнышка. Ни о каких

² Камлание – ритуальные действия шаманов, сопровождающие все более или менее значимые моменты жизни (рождение, смерть, охота, бракосочетание и пр.), имеющие целью задабривание добрых духов или умиротворение злых.

диспутах или перепалках уже не могло быть и речи: сил у большинства измотанных бессонной ночью интеллектуалов хватало только на вялое переругивание между собой. Терпеливо понукаемые к выступлению в путь конвоирами в лице Александра и его подчиненных, выглядевших немногим лучше «научников», они бессмысленно бродили по лагерю, капризничали, пытаясь выбрать среди множества одинаковых именно свои лыжи (вчера, обрадованные привалом, все побросали их как попало), поминутно усаживались то покурить, то унять шалившее сердце и, морщась, слизнуть какую-нибудь пилюлю, то переобуть ботинки, непонятным образом перепутанные местами... Дело пошло на лад, когда, переборов в себе усталую апатию, к «административной группе» присоединились профессора Кирстенгартен и Николаев-Новоархангельский и, совершенно неожиданно для Бежецкого, академик Мендельсон.

Как выяснилось вскоре, Агафангел Феодосиевич и Михаил Абрамович в миру были закадычными приятелями, если не сказать друзьями, и конфронтация их имела сугубо научные корни, а вовсе не национальные, как, не разобравшись, можно было посчитать по горячности вчерашнего спора, которому только вмешательство таинственного «ревуна» помешало совершенно закономерно перетечь в не красящую никого потасовку.

Сегодня экспедиция продвигалась к цели еще медленнее, чем накануне, хотя, казалось бы, даже самому непривычному к ходьбе на лыжах человеку дня в пути вполне достаточно, чтобы втянуться и обрести в процессе необходимые навыки. Да и ветер постепенно усиливался, снег повалил совсем некстати, грозя превратить маршрут во что-то совершенно inferнальное... Александр уже сам жалел о том, что вертолетчики не смогли (или не захотели) доставить группу ближе к цели – только инфаркта какого-нибудь ему тут не хватало или инсульта... Контингент-то еще тот...

Что же это (или кто) подавало голос ночью? Ни медведь, ни лось так вопить, конечно, не могли, не говоря уже о более мелких представителях таежной фауны – лисах, там, зайцах... бурундуках, к примеру... Может быть, рысь? Бежецкий вспомнил виденный в детстве фильм «Тропой бескорыстной любви» и засомневался: мелковата зверюга размерами-то, как ни крути... Тигр? Да ну: этот таежный хозяин водится далеко отсюда – в уссурийской тайге... Что-то не припоминалось больше Бежецкому обладателей подобных голосов в родной природе, хотя прилежно перебрано было все, вплоть до полевых мышей и землероек.

А может быть, как раз и не из родной? Когда же закончится этот проклятый путь?..

Мысли экс-ротмистра были прерваны совершенно неожиданным образом: в шаге от него, заставив схватиться за табельный вальтер, из снежной круговерти неслышно материализовалось что-то живое и лохматое.

– Снег идет, капитана!

Лесным чудищем, едва не получившим сгоряча пару-другую девятимиллиметровых пуль в мохнатое брюхо, оказался Тунгус, как обычно шнырявший вокруг цепочки усталых лыжников, словно опытная овчарка вокруг бредущего на водопой стада. Казалось, ни бессонная ночь, ни утомительный дневной переход этому дикому созданию совершенно ни по чем.

«Ну вот, этот дикарь, похоже, ничуть не расстроен! – недовольно подумал Александр, тут же поймав себя на том, что подобных интонаций в отношении людей, именуемых в Империи инородцами (в большинстве своем честных и простодушных, ловких охотников и умелых следопытов), он нахватался уже здесь. Ранее, служа в Советской, а потом и в Российской армии, майор, получавший пополнение порой из самых глухих уголков страны, никогда не считал дикарями ни таджикских горцев, в жизни не видевших вилки, ни молдаван, на родине вино поглощающих в огромных количествах с самого рождения (да и до оно, если честно, еще в утробе матери) и чистосердечно верящих в чертей, домовых и прочую нечисть, ни подобных Тунгусу таежных аборигенов. Все они были такими же, как и он, советскими

людьми, пусть менее умелыми и более неуклюжими, чем русские, белорусы и украинцы, но так же, как и все, учившимися в школе, смотревшими те же фильмы, читавшими те же книги... Все они рано или поздно становились солдатами не хуже других. – Наверняка не понимает, почему „белые люди“ так медленно плетутся по такому удобному пути!»

– Ты только это и хотел мне сообщить? – буркнул он, злой на самого себя за нестати проявившийся «синдром Большого Брата», незаметно, насколько мог, убирая руку с рукояти пистолета. – Спасибо, без тебя отлично вижу...

Увы, он ошибся.

– Пришли однако! – перебил на полуслове начальника Тунгус, ухмыляясь во весь свой широкий рот под редкими усишками, округлым жестом указывая на размывающийся в метельном мареве необычной формы кедр...

2

«Летят на самолете швейцарец, француз, красавица-австриячка и поручик Ржевский. Самолет вдруг начинает падать. И тут выясняется, что парашют-то один на всех. Ржевский преспокойнейшим образом начинает надевать парашют на себя, а швейцарец и француз – хором:

– Поручик, среди нас женщина!

Ржевский, раздумчиво глядя на часы, отвечает:

– Вы думаете мы успеем, господа?..»

Концовку анекдота, как всегда, встретило гробовое молчание. Конечно, шутка, даже рассказанная миллион раз, не становится от этого смешнее... Тем более что смеяться-то, кроме рассказчика, некому...

Вздыхнув, рассказчик приподнялся на убогой постели, на которой до этого лежал, закинув руки за голову и уставившись в светящийся потолок, и сел, свесив на пол босые ступни.

Когда-то он звался Владимиром Довлатовичем Бекбулатовым, имел титул князя Российской империи и чин штаб-ротмистра Жандармского корпуса... Однако кем он является сейчас, узник вечно освещенной тюрьмы ответить затруднился бы. Все чувства от многомесячного сидения в замкнутом пространстве притупились, память зияла темными провалами... Порой Бекбулатов ловил себя на том, что сотни раз подряд повторяет вслух какую-нибудь фразу, или просыпался от прилипчивой песенки, которую, как всякий раз оказывалось, напевал сам.

Чтобы не спятить окончательно или хотя бы оттянуть этот печальный момент как можно дальше, Владимир, стараясь держать себя в форме, неукоснительно следовал разработанной им самим системе, заполняя свой «день» (никакой смены времени суток под постоянно светлой крышей, естественно, не наблюдалось) различными занятиями, упражняющимися как память и речь, так и само брэнное тело, поддерживающими в работоспособном состоянии ту ловкую и тренированную боевую машину, состоящую из костей, мышц и сухожилий, которой он некогда так гордился.

Закончив порядком опостылевшую «культурную программу», Бекбулатов отжался несколько десятков раз (на кулаках, конечно, иного способа гусары не признают-с!), еще большее число раз присел, проделал обязательные гимнастические упражнения и перешел к отработке боевого комплекса. Чтобы не расслабляться, он представлял, что все удары руками, ногами, головой и даже грудью и плечами он наносит своим невидимым тюремщикам, постепенно зверея так, что, если бы стены и пол не были мягкими, как ворсистый поролон, покалечился бы непременно. Естественно, что ни стены, ни слабо выделявшаяся на их фоне дверь ударам не поддавались, по отдаче напоминая более монолит, чем какие-то рукотворные перегородки.

Завершив разминку, как он ее называл, Владимир, по обыкновению, почувствовал себя выжатым словно лимон. Скучная, безвкусная пища, подаваемая к тому же крайне нерегулярно и только в тот момент, когда он спал, практически не насыщала, поэтому организм, насилуемый без меры, черпал резервы исключительно из внутренних источников, увы, не безграничных, пожирая самое себя. Лишенный возможности видеть себя в зеркало и ограничиваясь одним только ощупыванием руками, Бекбулатов полагал, что вполне может теперь сойти за индийского отшельника, по повествованиям Блаватской, Рериха и прочих блаженных путешественников «за три моря», явных и самозванных, известного как «йог». Такое же высушенное, почти обнаженное тело, правда, сплошь покрытое переплетениями мускулов, волосы длиннющие, как у пресловутых заокеанских «йиппи», проникающих неведомыми путями сквозь все санитарные кордоны в Европу, и окладистая борода, наверняка более под-

ходящая какой-нибудь особе духовного звания... Одно было неведомо штаб-ротмистру: и волосы, и борода за время пребывания здесь, в ненавистой светлице (называть сие помещение темницей язык не поворачивался), изрядно поседели...

Владимир устало опустился на койку, напоминавшую больше прямоугольное возвышение из той же ворсистой «губки», что и все остальное. Сегодня утомление почему-то было особенно заметным. Вместо приходившей обычно в конце тренировки волны бодрости, Бекбулатов чувствовал полное опустошение – физическое и, что совсем странно, духовное. Привычного просветления и умиротворения не было – лишь тяжело распространявшийся мутный поток усталости, будто после разгрузки вагона муки или, скажем, цемента (а что, в достославные времена кадетские случалось и не такое!). Более того, усталость не проходила, а только усиливалась, дополненная неожиданно возникшей головной болью, настоящей дамской мигренью.

Казалось, что потолок, такой недосягаемый (были, были, имели место попытки погасить это вечное светило!), опустился и теперь давит на темя, вжимая голову в плечи, не давая распрямить ноющий позвоночник.

Внезапно Владимира вывернуло наизнанку, и он, не делая никаких попыток добежать до параша, лишь тупо смотрел на вонючую мутно-зеленую лужу, которая лениво расплывалась перед ним, медленно впитываясь в «ковер», не в силах отвести взгляд под ставшими неподъемными полуопущенными веками. Мысли тоже были вялы и малоподвижны: «Неужели все... наверное... да... финиш...»

Бекбулатову на миг показалось, что он умирает, и близкий конец, ранее истово призываемый и вожделенный, как близость любимой женщины, теперь вдруг показался таким нелепым, так захотелось жить, еще хоть раз увидеть солнце вместо мертвенно-белесого сияния над головой, вдохнуть свежего, напоенного ароматами воздуха вместо пропитанной зловономией атмосферы камеры... Но давящая усталость была сильнее, и Владимир наконец опустил веки, поддавшись непреодолимой силе...

Сколько он просидел так, согнувшись и закрыв глаза, Бекбулатов не знал, да и не хотел знать. Дурнота подкатывалась волнами, как кошка с полузадушенной мышью играя с человеком, то сжимая мягкой лапой, то отпуская на самой границе блаженного беспамятства, но не до конца, а лишь так, давая вздохнуть чуть свободнее... Владимира выворачивало еще не раз, но ничего, кроме какой-то мерзкой слизи, желудок, опустошенный до дна, исторгнуть уже не мог, заставляя только заходиться душащим судорожным кашлем.

Наконец понемногу отпустило. Взамен только что пережитого смертного ужаса раздавленного могучим каблуком насекомого (этакого таракана двух с половиной аршин ростом) пришла насущная, жизненная необходимость выйти отсюда, покинуть опротивевшее и оскверненное жилье, словно кокон или скорлупу яйца...

Не сознавая до конца, что делает, Владимир вскочил с койки и ринулся всем телом на дверь, ожидая встретить сокрушительный встречный удар монолитной массы.

Но створка неожиданно распахнулась настежь, и Бекбулатов чуть ли не кубарем вывалился в коридор, отказываясь верить своим ощущениям. Сердце неожиданно и болезненно сжалось, будто покидал пленник не мерзкую тюрьму, а родной дом. Если бы новорожденный младенец умел анализировать свои чувства и ощущения, то его первые в жизни впечатления были бы именно такими...

В коридоре было темно, но только для человека, глаза которого привыкли к вечному освещению. Уже через пару минут Владимир смог видеть вполне отчетливо, тем более что полумрак открывшегося ему коридора освещался из камеры, дверь в которую осталась приотворенной.

Первым, что бросилось в глаза узнику, только что обретшему относительную свободу, был один из ненавидимых всеми фибрами души тюремщиков, сладко спящий, доверчиво откинувшись на спинку уютного вращающегося кресла...

* * *

Не веря самому себе, Бекбулатов мчался длинными бесшумными прыжками по темной улице. Ни единого огонька не пробивалось сквозь плотно зашторенные окна. Босые ноги (а высокие добротные ботинки, отвратительно разящие чужим потом, он предусмотрительно сжимал под мышкой) уверенно несли его по мостовой, выложенной чуть выпуклой брусчаткой. Штаб-ротмистра и его бывшую тюрьму, по самым скромным подсчетам, разделяло уже не менее трех-четырёх верст, и пора было искать какое-то убежище, где можно отсидеться и с рассветом попытаться хотя бы приблизительно оценить обстановку.

Поразительнее всего был тот факт, что покинуть узилище Владимиру удалось совершенно незаметно для тюремщиков, легко и просто: из флигеля, в подвале которого, как выяснилось, располагалась ставшая чуть ли не родным домом камера, а, возможно, если судить по обилию дверей в коридоре, и не одна, он выбрался, не встретив никого, в какой-то парк или сад. До ограды – бетонной стены высотой в полтора человеческих роста – было рукой подать. Остальное оказалось делом техники: каким-то чудом умудрившись не распороть ничего жизненно важного (две-три незначительных царапины, ссадины и порез – не в счет) об утыканный разнокалиберными острыми предметами – от банального бутылочного стекла до стальных лезвий – край стены, Владимир, стараясь не шуметь, перемахнул на другую сторону и рванул неизвестно куда со всей возможной в его состоянии скоростью.

Однако странное дело: силы, по мере удаления от ненавистной западни, прибывали, и не надеявшийся поначалу на удачу беглец теперь твердо рассчитывал хотя бы дотянуть до рассвета, благо небо, проглядывающее над непривычно высокими крышами расположенных по обеим сторонам улицы домов, уже начинало слегка зеленеть, надо думать, в восточном своем секторе. Тюрьма или что-то на нее очень похожее соответственно оставалась где-то на северо-западе, почти точно за спиной.

Дома неожиданно расступились, и Владимир вылетел на какую-то набережную, возвышавшуюся над маслянисто поблескивающей водой не очень широкой речки или канала на добрые семь-восемь метров, едва успев затормозить перед низким каменным парапетом, уцепившись за него обеими руками. Увы, обрадованные ботинки воспользовались случаем и, очертив пологую дугу, завершили свой полет гулким всплеском где-то внизу. К сожалению, учитывая немалый вес толстой подошвы, к тому же подбитой массивными подковками, надеяться на то, что они останутся на плаву, даже не приходилось...

Набережная, в которую «влилась» улица, плавно изгибалась вслед за поворотом реки и уходила вправо и влево насколько хватало взгляда. Ловить там, образно выражаясь, беглецу было явно нечего: все тот же незнакомый и поэтому враждебный город. А внизу? Опасно перегнувшись через край парапета, Владимир обшарил взглядом облицованный камнем крутой откос набережной и от радости едва не полетел в воду вслед за ботинками: не далее чем в двадцати-двадцати пяти метрах слева от него в ровной каменной кладке зияло большое, не менее полутора метров в диаметре, круглое отверстие с рельефно выступающей окантовкой. Осторожная часть сознания брезгливо подсказывала беглецу, что это, скорее всего, слив городской канализации, но бесшабашная и самоуверенная заявляла, что стоит ли выбирать человеку, только что чудесно спасшемуся из не менее зловонной клоаки!

Откос был почти отвесным, и менее подготовленный, чем Владимир, человек просто не рискнул бы спускаться в этом месте, благоразумно попытавшись найти более удобное место, но штаб-ротмистр к таковым не относился... Спуск к гостеприимному убежищу

занял какую-то минуту, может, чуть больше, и вскоре Владимир, отойдя для верности с десяток метров от устья просторной трубы, совсем даже не вонючей – лишь по самому дну едва слышно журчал ручеек, скорее всего, дождевой воды, а пахло больше сыростью и грибами, – устраивался поудобнее. Правда, шумом своих шагов, далеко разносившимся по гулкой полости, он вспугнул стайку каких-то небольших существ – возможно, крыс или мышей, а может быть, наоборот, кошек, охотящихся на грызунов, – но все равно убежище было поистине царским.

Найдя местечко посуше, Бекбулатов завернулся поплотнее в добротную куртку, достаточно длинную, чтобы не бояться простудить свою «мадам Сижу», уселся на холодный камень, прислонился к покатою стене и закрыл глаза. Необходимо было восстановить силы, все же порядком истощенные долгим бегом, если и не пищей, то сном.

Однако капризуля Морфей все не шел и не шел, а перед глазами Владимира словно на экране кинематографа снова и снова прокручивались подробности побега, вернее, самой опасной его части...

* * *

Первым горячим и всепоглощающим желанием Бекбулатова, увидевшего сладко спящего охранника, было желание сомкнуть обе ладони на доверчиво подставленной могучей шее и сжимать, сжимать их изо всех сил до костяного хруста в раздавленной гортани, выдавливая из ненавистного врага остатки жизни.

Владимир так и не смог сказать себе впоследствии с уверенностью, почему он тогда не сделал этого. То ли еще не до конца прошедшая дурнота давала о себе знать, мягкой лапой покачивая из стороны в сторону, то ли побоялся не удержать здорового парня и выдать себя другим, невидимым отсюда охранникам... Но, скорее всего, конечно, отрезвляюще подействовала именно эта по-детски открытая вырезом темной футболки шея, открытая для удара, и поэтому, по тем же детским рыцарским законам – табу... Если бы громила стоял против Владимира в честном бою, опасный и коварный, тогда... А так, спящего, беспомощного... Не по-гусарски это, господа! Не послужит сия легкая победа чести, как ни крути, не послужит...

Поэтому вместо смертельной атаки Владимир нанес охраннику один-единственный укол твердым, как гвоздь, указательным пальцем чуть выше адамова яблока, в точку, хорошо известную ему еще с корпусных занятий по боевым единоборствам. Теперь тому, живому и здоровому, не очухаться еще часа три-четыре, не менее, даже при звуке труб Страшного суда.

Быстро и умело раздев бесчувственного врага, Бекбулатов затащил его тушу, не менее чем шестипудовую, в опустевшую камеру и вежливо прикрыл за собой дверь. Теперь – ноги!..

Да, кстати, он ведь так и не рассмотрел трофеи, добытые в почти что честном поединке (ну сделаем все же скидку на обстоятельства, господа)!

Помимо одежды и утерянных, похоже, навсегда ботинок среди «взятой на шпагу» добычи оказалась кобура с весьма увесистым пистолетом неизвестной штаб-ротмистру системы (смахивающим, впрочем, немного на бельгийский «Баярд») с полным магазином и запасной обоймой на восемь девятимиллиметровых, вроде бы парабеллумовских патронов с круглыми головками пуль, черная полуметровая дубинка из какого-то упругого пластика, никелированные наручники, фонарик-карандаш и короткий хищный нож с толстым, острым как бритва лезвием в ножнах, предусмотрительно пристегнутых хозяином-засоной к левому запястью под рукавом. Приняв к сведению последнее обстоятельство, Владимир задним числом выписал себе индульгенцию: вряд ли окончился бы чем-либо приятным поеди-

нок по всем правилам, то есть с голыми руками против укомплектованного таким образом головореза.

Так, а что в карманах формы?

Карточка-удостоверение с одной только цветной фотографией, тремя несимметричными отверстиями и длинным выпуклым номером (просматривалось на свет что-то вроде микросхемы, видимо содержащей основную информацию), пухлый бумажник фальшивой крокодиловой кожи, горстка разнокалиберных монет, еще три патрона (один явно не подходил к пистолету ни калибром, ни длиной, напоминая, скорее, винтовочный) и сомнительной свежести носовой платок... Приятным сюрпризом оказалось наличие в карманах «потерпевшего» початой пачки сигарет незнакомой марки с фильтром, одноразовой пластиковой зажигалки и, главное, солидной плитки шоколада!

Благодаря в душе запасливого сладкоежку, надо думать, как раз сейчас приходящего в себя в довольно-таки неприятной обстановке, Бекбулатов, давясь сладкими слюнями, жевал восхитительное, полузабытое уже яство, одновременно предвкушая, как, покончив с лакомством, засмолит сигаретку, осторожно пуская дым в глубину туннеля. Дрема теперь уже безраздельно склеивала своим никем не запатентованным клеем наливающиеся свинцом веки...

* * *

Что за новую пытку изобрели господа тюремщики?

Тяжелый звон, казалось, окружал, заполняя собой тесную камеру до краев. Звук был настолько густым и плотным, что его при желании можно было бы нарезать толстыми ломтями, намазывать на хлеб и откусывать, захлебываясь слюной... Хотя... Как же это: звон и вдруг на хлеб?..

Бекбулатов окончательно проснулся и очумело завертел головой, не в силах поначалу определить, где находится. Вместо ставших привычными белых ворсистых стен его окружала почти непроницаемая темнота, лишь где-то в отдалении ярко сияла зеленовато-белым фосфорным цветом огромная полная луна.

Чтобы прийти в себя и вспомнить вчерашние перипетии, потребовалось некоторое время...

Луна оказалась выходом из канализационного туннеля, воды на дне которого, кстати, добавилось и, судя по усилившемуся амбре, не совсем дождевой, а даже совсем наоборот... Слава богу, довольно брезгливый от природы штаб-ротмистр изначально устроился, упершись босыми ногами в противоположную стенку трубы, так, чтобы не касаться струившегося по дну ручейка нечистот. Однако пора было если и не покидать гостеприимное убежище, то хотя бы провести рекогносцировку.

Осторожно подобравшись, чтобы не ступать по все ширившемуся мерзкому пенистому потоку, к краю трубы и медленно выглянув наружу, Владимир практически тотчас установил природу разбудившего его шума. Прямо перед разверстым зевом туннеля, на противоположной стороне не то облагороженной речки, не то канала высился какой-то собор, судя по очертаниям готический и на православные церкви никак не походивший. Об этом ясно говорил католический крест, венчающий остроконечный шпиль. Дома с черепичными крышами, экономно лепящиеся друг к другу по берегам «водной артерии», не по-русски аккуратные и чистенькие, тоже производили впечатление чего-то средневропейского...

«Ну вот, приплыли! Интересно, куда я угодил-то? Австрия? Германия? Швеция? – ошарашенно размышлял Бекбулатов, все еще опасавшийся обнаружить свое присутствие, тем более что по обеим сторонам реки степенно, по-европейски, прогуливалась масса народу. – Польша? Лифляндия? Вот последнее было бы неплохо. А вдруг Британия?..»

Насколько он помнил, пейзажи, виденные им непосредственно перед заточением в «мягкую тюрьму», смахивали на Урал или какие-нибудь Саяны, но никак не на Альпы. Получается, что его совершенно незаметно перевезли на пару-другую тысконок верст? Бред какой-то!

Появляться на люди в незнакомой стране среди бела дня из канализации в неизвестно кому принадлежавшей полувоенной форме, тем более босиком, да еще с немывтыми патлами и бородищей до пупа (ну до груди, до груди) было немислимо. Оставалось, загнав брезгливость поглубже, наблюдать, стараясь не попасться никому на глаза и по возможности определиться хотя бы с местностью. К сожалению, оглушительный звон соборных колоколов не позволял уловить и слова из того, о чем говорили чинно фланирующие взад и вперед аборигены.

Колокольный звон прекратился только после полудня (судя по показаниям «трофейных» часов), но гуляющие и не думали расходиться, наоборот, на площади перед «костелом», как окрестил собор Бекбулатов, сочтя его похожим на виденные в Польше, появились пестрые зонтики уличных кафе, пивных, сосисочных и прочих забегаловок. Глядя на эти храмики чревоугодия, штаб-ротмистр, прислушиваясь к яростному бурчанию в животе, ничуть не обманутом полузабытой уже плиткой шоколада, вынужден был постоянно сглатывать голодную слюну. «А в тюрьме сейчас макароны дают...» – выплыла из неведомых глубин памяти не то цитата, не то услышанная где-то и когда-то шутка. Вообще, Владимир в последнее время часто терялся, иногда вспоминая что-то такое, что никогда не могло с ним происходить. И вообще...

К примеру, аббревиатура «СССР» когда-то, наверное в прошлой жизни, виденная им на металлическом шильдике потайной химической лаборатории в достославном Хоревске, была уже не просто четыремь ничего не значащими буквами. Теперь Бекбулатов твердо знал, хотя и не понимал откуда, что «СССР» – это «Союз Советских (!) Социалистических (!) Республик», государство «рабочих и крестьян (!)» и «космическая (!)» держава. Более того, при первом же мимолетном воспоминании в голове зазвучала торжественная, несколько напоминающая похоронный марш музыка и слова: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь...» и еще несколько куплетов подобного рифмованного бреда. Иногда, правда, смысл почему-то неуловимо искажался и тогда уже казалось, что «Союз нерушимый голодных и вшивых...». Сразу всплывали образы какого-то пожилого, рябого и усатого кавказца в белом мундире, похожем на кавалергардский, и с огромными звездами на погонах, ассоциировавшегося со словом «Сталин (?)», мордастого, с азиатчинкой в лице солидного старца с широкими черными бровями и многочисленными наградами опять же в виде золотых звездочек с красными колодками на груди («Леня (?)»), интеллигентного лысоватого субъекта в золотых профессорских очках и с родимым пятном на обширной плечи – «Горбач», какого-то «картавого», причем этот был всегда изображен на разноцветных денежных купюрах в профиль... При воспоминании о последнем мысли вдруг перекидывались на водку по три шестьдесят две и четыре двенадцать (интересно, откуда взялись такие цифры, когда высочайше установленная цена на «беленькую» не может подниматься выше пятнадцати рублей за ведро, то есть рубля двадцати пяти копеек за литр?), какую-то «докторскую» колбасу, «копейку», ассоциировавшуюся отнюдь не с мелкой монетой, а с автомобилем, и «общагу»...

Словом, с некоторых пор сумбур на «чердаке» (кстати, еще одно чужое слово!) царил полный, причем Бекбулатову временами казалось, что причина того кроется не в одном только длительном одиночном заключении...

Штаб-ротмистр, наблюдая из своей норы за жизнью неизвестного города, мог бы размышлять на тему неожиданных странностей психики и дальше, но вдруг совершенно

явственно услышал негромкий всплеск воды за спиной, какой бывает, когда по неосторожности наступают в лужу, а затем сильный и дребезжащий старческий голос произнес:

– Пшепрашем, пан...³

³ Прощу прощения, господин... (*Польск.*)

3

«К убранству столицы по случаю приближающегося 200-летия со дня основания Санкт-Петербурга городские власти приступили 28 апреля 1903 года. Художественным декорированием города в целом занимался специальный „Комитет по украшению“. Непосредственной организацией праздничных торжеств занималась „Юбилейная комиссия“ под общим руководством барона Горенброкка, созданная при городской управе.

Великий, по общему мнению, праздник начался 16 мая 1903 года в 8 часов утра двадцатью одним пушечным выстрелом с Екатерининского рavelина Петропавловской крепости. По всей акватории Невы в строгом порядке выстроились суда, яхты, военные корабли... От стен Петропавловской крепости до Троицкого моста водное пространство занимали суда Министерства путей сообщения, пограничной стражи, а ниже по течению расположились крейсера и эскадренные миноносцы... Когда отгремел последний выстрел со стен Петропавловской крепости, на спуск напротив дворцового проезда собрались для следования к домику Петра гласные Санкт-Петербургского городского управления и представители сословий, которые отбыли на теплоходе „Петербург“. За ним следовал пароход с духовенством и иконой Христа Спасителя, пароход и катера представителей высшего света столицы. При проходе судов мимо Петропавловской крепости на флагштоке Екатерининского рavelина был поднят императорский штандарт и раздались салют в тридцать один залп, причем после второго выстрела салютовали стоящие на Неве военные корабли.

Делегация представителей городов, купеческих, мещанских и ремесленных сословий, цехов с их значками направилась в Петропавловский собор, где была отслужена лития. После оной городской голова и представители городской управы возложили на могилу Петра I юбилейную медаль, на лицевой стороне которой был изображен поясной портрет Петра I в латах и с лавровым венком на голове и сделана надпись „Императору и Самодержцу Петру I, основателю Санкт-Петербурга“, на обороте же вид Санкт-Петербурга с памятником Петру I, Исаакиевским и Петропавловским соборами, зданием Адмиралтейства и прочими памятными местами столицы. Над панорамой Петербурга парят два ангела, поддерживающие венок с заключенным в нем гербом города. Вверху расположены памятные даты „1703–1903“, а снизу композицию обрамляет надпись „В память 200-летия города Санкт-Петербурга, 16 мая 1903 года“. Во всех Петербургских храмах и приходах, по распоряжению Святейшего Синода, в этот день совершались торжественные молебны, а в Петропавловском соборе были отслужены торжественные панихиды по Петру I с возложением венков к его могиле, причем комендант Петропавловской крепости Л. Г. Ладыженский получил от министра императорского двора С. Р. Тотлебена разрешение на возложение венков и медалей от различных делегаций на могилы всех императоров в Петропавловском соборе без предварительных на то запросов. Комендант после окончания праздника представил императору список, в котором было указано, сколько приношений на какие могилы и

от имени каких делегаций было произведено. Все дорогие подношения и венки были развешаны на стены Петропавловского собора, некоторые из них хранятся в ризнице.

17 мая Его Величество Император Александр III присутствовал на императорских верфях при торжественном спуске на воду и освящении нового линейного крейсера, милостивейше повелев наречь его в честь великого пращура своего и в свете юбилейных торжеств „Императором Петром Великим“.

Все эти праздничные дни не прекращался поток делегаций, высокопоставленных лиц, представителей частей армии и флота и просто обывателей в Петропавловский собор. Жители столицы и гости города считали своим долгом поклониться основателю Петербурга, изъявляя искреннюю признательность или исполняя свой служебный долг.

День 18 мая был объявлен днем народных гуляний. К услугам обывателей всех чинов и сословий до поздней ночи были открыты все городские парки и сады, празднично украшенные и иллюминированные, множество киосков и палаток с прохладительными напитками, пивом и всяческой снедью, по Неве, каналам и рекам курсировали расцвеченные пароходы и катера. С организованных то там, то здесь подмостков публику веселили комедианты, танцоры и певцы. Город не затихал до самого утра.

Отрадно заметить, что все петербуржцы без исключения ответили на высочайше дарованный им праздник истинно христианской благодарностью и добродетелью. Полицейские чины отмечают исключительную добропорядочность и вежливость обывателей в дни празднования 200-летия города».

«Петербургские ведомости», 19 мая 1903 года

«Однако, как все и всегда, праздники когда-то кончаются. Подошли к концу и юбилейные торжества. Улицы Петербурга принимают постепенно свой обычный вид. Сняты уже украшения с Сенатской площади, со здания думы и на площадях, разобраны декорации у Казанского собора, которые так критиковали все газеты, включая и нашу. Щиты, эмблемы, драпировки сваливаются в кучи и спешно увозятся куда-то рабочими. При дневном свете особенно безобразно выделяются деревянные декорации, построенные на Михайловской площади. В грязной воде временных фонтанов, жить которым осталось только до вечера, плавают окурки, трамвайные билеты и прочий мусор... Жизнь опять входит в свою будничную колею. Над головами думских гласных вновь повисли все не разрешенные доселе дела и заботы, главная из которых: как латать бреши, проделанные празднествами в городской казне...

Конечно, юбилей – это хорошо, но есть и будни, такие мелкие, такие незначительные, что о них и говорить совестишься ввиду совершающихся торжеств. Между тем юбилей прошел, а незначительные и мелкие будни остались...»

«Столичное зеркало», 20 мая 1953 года

* * *

– Позвольте поинтересоваться, господин полковник, причиной вашего отсутствия на грешной земле в данный момент времени! – звонко раздалось над ухом, и Бежецкий, вздрогнув, очнулся от грез.

Петрушка Трубецкой, подлец!..

Так и есть! Рядом, щегольски подбоченясь в седле, красовался поручик князь Трубецкой-второй собственной персоной, как всегда скаливший великолепные зубы. Еще бы не скалить зубы, когда на дворе погожий апрельский денек, причем солнышко жарит совсем по-майски, когда тебе двадцать три года, а проблем никаких, разве что всякого рода амурные делишки да небольшие карточные долги, которые все равно так или иначе платить не тебе, а родимому тятеньке Николаю Орестовичу, тоже в недалеком прошлом гвардейцу, хоть и служившему не в ее императорского величества лейб-гвардии Уланском полку, а в Кавалергардском и к тому же рангом повыше – ротмистром. А вот когда тебе уже тридцать семь, а на плечах кроме полковничьих эполет еще чертова прорва всяческих забот – от семейных до государственных, причем семейные и государственные сложно и прихотливо переплетаются, ненавязчиво перетекая друг в друга и плодя всевозможные промежуточные нюансы, то уже и солнышко как-то не так греет, и свежеиспеченный «под обстоятельство» княжеский титул «не в масть», и высочайшая благорасположенность...

– Потрудитесь хотя бы на плацу обращаться к старшему по чину согласно уложениям воинского устава, поручик!

Конечно, отбрил молокососа чересчур сухо и резко, но надо же в конце концов поставить на место этого титулованного недоросля. Развели, понимаешь, панибратство с командиром!..

«Не кипятись, полковник хренов! – тут же одернул Александра, досадливо поморщившегося, язвительный внутренний голос. – Забыл себя самого в подобном нежном возрасте? Да парнишка же перед тобой звездочкой новенькой красуется, недели ведь не носит, вот и егозит. Сам-то, помнишь?..»

Конечно же все Бежецкий помнил и все понимал, и нелегко ему давалась роль сурового отца-командира, да еще после стольких лет совсем другой службы... И к Петрушке-Петеньке он сразу привязался: очень уж напоминал непосредственный и веселый поручик Володьку, канувшего, кажется, навеки в мутную потустороннюю бездну... Но не показывать же этого мальчишке, да еще перед всем полком!

– Займите свое место в строю, поручик! – таким тоном и заморозить можно, но куда деваться...

Поручик Трубецкой по-мальчишески поджал губы, обиженно, но четко козырнул и, лихо развернув своего Беллерофонта⁴ (как же, интересно знать, он его уменьшительно-ласкательно кличет, а? Белля? Фоня?..), делано невозмутимо неторопливой рысью направился к сине-красным шеренгам своего эскадрона, хотя по-мальчишески оттопыренные уши, топещащиеся под крошечным синим четырехугольным кивером, лихо, по полковой моде, сдвинутым на затылок, предательски зарозовели.

«Небось сейчас обдумывает формулу вызова „этого старого сухаря“, то есть меня, грешного, на дуэль, – насмешливо подумал Бежецкий, глядя ему вслед. – Дудки, не доставлю

⁴ Беллерофонт (Bellerophon) – в древнегреческой мифологии герой, сын коринфского царя Главка и Эвримеды, с помощью крылатого коня Пегаса убил трехголовое чудовище Химеру; когда захотел подняться до Олимпа, был сброшен Пегасом и лишился зрения.

я тебе такого удовольствия, Петруша. Да и папаша уши оборвет, если что. Не посмотрит на звездочки!»

Но шутки шутками... Александр повернулся в седле к полковнику князю Гверцианидзе, также осуждающе глядевшему вслед юному Трубецкому:

– Командуйте, Эдуард Ираклиевич.

Старый служака подобрал живот и приосанился.

– Первый эскадрон!..

* * *

Конечно, ничего похожего на реальную службу так и не получилось. Дежурства во дворце, вахт– и плац-парады во время празднеств, а главное – постоянная и утомительная до крайности муштра, выездка в манеже и прочая, и прочая, и прочая... Естественно, в боксах при казармах лейб-гвардии Уланского полка в Новом Петергофе стояли до поры и другие верные лошадки – гусеничные бронетранспортеры с вычурным значком полка на бортах, в цейхгаузе висели камуфляжные комбинезоны, каски, бронежилеты, стояли вдоль стен ухоженные автоматические карабины, но...

Следуя какому-то идиотскому изгибу штабной логики все три уланских полка да один из гусарских – Гродненский (бывший Володькин, кстати) из всей гвардейской кавалерии и пересадили на бронетехнику, когда еще в конце тридцатых годов прошлого века стало окончательно и бесповоротно ясно, что боевой век лошадки-грузицы закончился раз и навсегда, а молодецкие кавалерийские атаки в сомкнутом строю никогда не возродятся. Казалось бы, быстроходные бронемшины созданы для кирасир, конногвардейцев и кавалергардов – тяжелой кавалерии, настоящих «танков» прошлых веков, но... Упомянутые полки, равно как драгунские и лейб-гвардии гусарский, в начале сороковых, сразу после принятия на вооружение изобретенного господином Сикорским геликоптера (он же по-русски вертолет), оседлали винтокрылую машину. Прикованным к земле уланам оставалось лишь с тоской взирать на «крылатую кавалерию»... Впрочем, с середины прошлого года ВСЯ гвардия вынуждена была забыть о реальной боевой подготовке и защитной форме. Теперь, в цветных и нелепых парадных мундирах образца позапрошлого столетия, гвардейцы разбивали вдрызг сапогами и копытами лошадей плацы, готовясь к самому грандиозному юбилею в истории Империи – празднованию трехсотлетия основания стольного Санкт-Петербурга. Проекты и прожекты торжеств не шли ни в какое сравнение ни с двухсотлетием, ни с четвертьтысячелетием, с великой помпой отмеченным в необычно холодном 1953 году... Волей судьбы трехсотлетие «счастливо» совпало с еще одной датой – десятилетием царствования Николая II и почти круглой годовщиной – 390-летием дома Романовых, поэтому приобрело дополнительный смысл, становясь как бы неофициальной репетицией грядущего четырехсотлетия.

По всей столице кипела лихорадочная деятельность: подряды на капитальный ремонт, а то и на реконструкцию множества зданий были расхватаны, что называется, влет, обновлялось все, что могло быть обновлено, восстанавливалось все, что могло быть восстановлено, и отстраивалось заново все, что можно было отстроить. Всерьез рассматривался чей-то сумасшедший прожект, причем проталкиваемый с солидной поддержкой на самом верху, о восстановлении петровского варианта Васильеостровской системы каналов, закопанных еще в XVIII столетии за полной ненадобностью и превращенных в пресловутые «линии». Что сие грандиозное мероприятие давало городу, кроме радикального умножения армии столичных комаров да солидных сумм, перетекших бы в случае успеха заведомо провальной затеи в чей-то бездонный карман, не брался сказать никто. Александр, бывало, до слез хохотал над статьей какого-нибудь Пупкина-Запардонского, отстаивающей насущную необходимость сноса высотного здания Корпуса за Охтой и в купе с ним всех построек выше

Александринского столпа и шпилей – петропавловского и адмиралтейского, дабы возродить облик Санкт-Петербурга петровско-екатерининских времен. Слава богу, никто не потребовал сноса вообще всех строений до состояния первозданного ниеншанцкого⁵ болота, из которого Великий Петр, чертыхаясь, выдирает свои ботфорты, готовясь прорубать окно в Европу... Эх, как развернулся бы сейчас со своим острым и ядовитым пером покойный Мотыка Владовский, павший, увы, жертвой прошлогодних событий!..

Все бы ничего, но лейб-гвардии Уланскому ее величества полку наряду со стрелками Флотского экипажа и преображенцами через неделю предстояло присутствовать при торжественном открытии величественного памятника императору Александру Четвертому, отцу его императорского величества Николая II Александровича – своего рода спусковым крючком череды торжественных мероприятий, плавно перетекающих в само празднование. Это весьма ответственное дело стало дебютом Бежецкого в роли командира одного из самых прославленных полков гвардии, подпоручиком которого он и начинал свою службу полтора десятка лет назад...

⁵ Ниеншанц – шведская крепость при впадении реки Охты в Неву, на месте нынешнего пригорода Петербурга Охты; основана в начале XVII века на месте прежней шведской крепости Ландскроны. Взята и разрушена Петром Великим в 1703 году.

4

Неделя, проведенная экспедицией возле «артефакта», показалась Александру чуть ли не самой скучной в жизни. В этом мире, естественно. На том свете, особенно во времена курсантские, случалось и похуже...

Собственно говоря, исполнение всех функций «отца-командира», кроме добычи пропитания и защиты от реальных и гипотетических опасностей (включая таинственного ночного ревуна), для Бежецкого завершилось сразу после того, как заново (на почтительном расстоянии от непосредственной цели визита, конечно) были разбиты походные шатры. Весь великовозрастный «детсад», не обращая уже никакого внимания на усталость, ветер и снегопад, отправился осматривать, ощупывать, обмеривать и совершать еще массу необходимых действий, чуть ли не пробуя на зуб то, что простенько и со вкусом именовалось пунктом «гамма» на экспедиционных картах-двухверстках, изготовленных крошечным тиражом в картографических мастерских при Генеральном штабе по специальному заказу Отдела. Уже готовые достать не представлялось возможным, поскольку в этих местах боевые действия никем и никогда не велись со времен Ермака Тимофеевича, да и не планировались в обозримом будущем. Географические карты данной местности, разумеется, наличествовали, но самая точная, как выяснилось, соответствовала реальному положению дел еще меньше, чем ее средневековый аналог, на котором картограф ничтоже сумняшеся помещал то там, то здесь всяких «песьеголовых людей», драконов с гидрами и мифических «бамбров», представлявших ему чем-то средним между персидским котом и южноафриканской гиеной. Отсутствием фантастического «зверинца» да наукообразными пометками разного рода земельные планы, до сих пор применявшиеся в губернии, собственно, и отличались от музейных образцов. Да и скажите на милость, какая разница, где именно протекает та или иная таежная речушка или какова точная высота над уровнем моря какой-нибудь безымянной и поросшей лесом сопки, если на территории губернии легко уместятся Франция и Германия вкупе с более мелкими соседями, и, как поется в балладе Высоцкого, незабвенного в мире Александра: «Кругом пятьсот, и кто там, к черту, разберет...»

То, что для обозначения была избрана именно эта буква греческого алфавита, так обожаемого учеными – что отечественными, что зарубежными, – начальника экспедиции как раз не удивило. Ежу понятно, что «гамма» подразумевала, наличие пунктов, носящих наименование «альфа» и «бета», то есть тех «окошек», через одно из которых попал на эту сторону мироздания он, грешный, а через другое – просочился бог знает куда, возможно и в преисподнюю, приснопамятный Полковник, не к ночи он будь помянут.

Бежецкий не исключал, что не остались без дела и прочие буквы «ученого» алфавита, которых, как известно, насчитывается ни много ни мало двадцать четыре, но его в эти обстоятельства посвящать никто не счел нужным, а так как вся его предыдущая жизнь «в сапогах» прошла под выразительным лозунгом «Меньше знаешь – лучше спишь», страдать от бессонницы экс-майор ВДВ не собирался...

Больше всего пресловутый пункт «гамма» (или «Артефакт» – как кому больше нравится) напоминал огромную – метров десять высотой – черепаху. Черепаху с аркой в бок, заложеной тщательно вытесанными каменными блоками. Собственно, только эта арка и являлась здесь бесспорным созданием человеческих рук, так что название «Артефакт» оказалось весьма притянутым за уши.

То, что приехали и прилетели в такие дали не зря, стало ясно тут же по поведению разом повеселевших ученых. И неудивительно: приборы регистрировали какие-то изменения каких-то полей, название которых непосвященному человеку ровно ничего не говорило, но неопровержимо свидетельствовало, что «ворота» функционируют, в отличие от двух пер-

вых, то ли закрывшихся навеки, то ли агонизирующих. Внешне изменения никак не проявлялись, но, вероятно, для того, чтобы ограничить доступ «на ту сторону», и закладывали неизвестные древние зодчие проем камнями.

Вскрывать древнюю кладку никто не торопился, тем более что буквально сразу же имевшиеся в экспедиции приборы зарегистрировали солидный радиационный фон, исходящий от камней (не каламбура ради, но это было гамма-излучение) и сохраняющий приличную мощность в радиусе ста метров от пункта «гамма».

Палатки, из соображений безопасности, пришлось перенести еще на несколько сотен метров от объекта, причем, вопреки худшим ожиданиям, никто из «научников» против данных мер предосторожности не протестовал. Народ здесь все-таки, несмотря на задиристость и легкомыслие, переходящее в инфантилизм во всех сферах, прямо не касающихся вотчины Афины Паллады,⁶ подобрался знающий и предпочитал намотать лишних пару-тройку километров в день, чем всю оставшуюся (и недолгую, надо сказать) жизнь глотать таблетки, почесывая при этом абсолютно лысый череп.

Установив опытным путем, что вредить ни себе, ни окружающим ученые светила не намерены и способны самостоятельно позаботиться о технике безопасности предстоящих исследований, Бежецкий вздохнул с облегчением и передал непосредственное руководство (абсолютно формально, конечно) ученому триумвирату в лице Николаева-Новоархангельского, академика Мендельсона и примкнувшего к ним профессора Кирстенгартена. Сам он целиком отдался обеспечению безопасности лагеря и зоны исследований по периметру, что, учитывая немногочисленность «гарнизона», оказалось делом непростым. Не менее важным было снабжение светил свежими продуктами в добавление к очень приличному, по мнению экс-майора, но почему-то казавшемуся капризным ученым очень скудным и однообразным рациону, состоявшему из нескольких десятков видов концентратов и консервов – от мясных до фруктовых.

Слава богу, в распоряжении Александра оказалась неиссякаемая даже в заснеженном виде тайга, пара протекающих неподалеку речушек, кишачих всевозможной деликатесной рыбой, а главное, опытные добытчики в лице казаков конвоя и особенно Тунгуса.

С подледной рыбалки, которой очень увлекался в детстве и юности, прочно забыл на время военной службы и к которой теперь от скуки снова пристрастился, Бежецкий сейчас и возвращался. Плечо приятно оттягивал не очень-то легкий мешок с ленком и хариусом, надерганными из лунки за утро, и Александр улыбался про себя, вспоминая снова и снова особенно яркие моменты, сожалея об уловистой блесне, оборванной кем-то чересчур крупным и обладающим нездоровой активностью, а больше всего предвкушая ароматную свежую ущицу, когда его окликнул Леонард Фридрихович, маявший около палатки...

* * *

– Понимаете, Александр Павлович, – профессор все время пытался забежать вперед, и, чтобы не отдавить ему ноги, Бежецкий вынужден был сдерживать шаг, – вчера к вечеру наконец были завершены все предварительные замеры, картографирование находок и протокольная съемка, и на сегодня ученый совет, то есть, как вы понимаете, Михаил Абрамович, Агафангел Феодосиевич и ваш покорный слуга установили...

– Решили, – подсказал ненавязчиво Александр.

– Да, да, решили! – обрадовался Кирстенгартен, поправляя очки на хрящеватом носу. – Решили начать вскрытие кладки... Естественно, все меры безопасности были соблюдены!

⁶ Афина Паллада – древнегреческая богиня, по некоторым источникам, покровительствовала точным наукам.

Увлечшись, профессор запнулся о корневище, коварно спрятавшееся в снегу, и непременно оказался бы в сугробе, если бы внимательный слушатель не прервал его полет в самом начале, крепко ухватив за ворот куртки, оказавшейся на редкость прочной. Пока антрополог рассыпался в благодарностях, Александр не без труда отыскал в снегу катапультировавшиеся с его носа очки и водрузил на лысоватую макушку немца, предварительно отряхнув, огромный собачий малахай, по живописности лишь немного уступающий колоритному головному убору Тунгуса.

– И... – подбодрил он своего подопечного, когда водопад славословия в его адрес иссяк.

– И под ним обнаружился еще один слой – более древний!

– Матрешка получается! – пробормотал себе под нос Бежецкий, но Леонард Фридрихович расслышал.

– Какое точное сравнение! – восхитился он. – Именно матрешка! Я знаю этот русский кукл!.. Но не это самое главное! – перебил он сам себя. – Нижний слой оказался не просто оболочкой... Да посмотрите сами!..

Под грубыми плитами дикого камня, аккуратно снятыми и сложенными в сторонке, оказалась гладкая поверхность из белого, гладкого, напоминающего мрамор камня, испещренная глубоко вырезанными иероглифами, неискушенному в таких делах Бежецкому на первый взгляд показавшимися египетскими. Египтяне в Сибири? Откуда?

– Да где вы видите сходство? – возмутился лингвист Наливай при первых же словах Александра. – Ничего общего! Так называемое «туруханское письмо», восьмой-девятый века... От Рождества Христова, естественно...

Ох уж мне эти ученые...

– Прочесть-то их можно, профессор? – поинтересовался Бежецкий, терпеливо дождавшись конца излияний лингвиста, пересыпанных узкоспециальными терминами и пространственными цитатами из трудов неизвестных светил. Задерживаться здесь чересчур долго ему вовсе не климатило, и вы сами понимаете почему. – Или, извиняюсь, глухо как в танке?

– Почему же нет? – фыркнул Наливай, которому польстило обращение «профессор». До профессора он пока не дорос в своей научной карьере и даже не мечтал об этом. – Одно из тюркских наречий... Правда, несколько непривычное написание...

– Ну хотя бы в общих чертах, – поощрил его начальник экспедиции.

– Зачем в общих? – снова взвился лингвист. – Я тут уже набросал пару вариантов предварительного перевода...

Он некоторое время рылся в бездонных карманах куртки (в мозгу Александра в эти мгновения бесстрастно щелкал метроном, отсчитывающий секунды пребывания в непосредственной близости от источника радиоактивного излучения), потом хлопнул себя по лбу и, сбегав к разложенным под соседним кедром на клеенке приборам, притащил рассыпающуюся кипу листков. Бумажки эти, мокрые от растаявшего снега, посыпанные хвоей, исписанные неудобочитаемым почерком и к тому же исчерканные вдоль и поперек, он тут же принялся совать прямо в нос собеседнику, предлагая ознакомиться с изяществом его умопостроений.

– Знаете... – Бежецкий отстранился, брезгливо отпихивая перевод пальцем. – Я, э-э-э... не специалист, поэтому давайте уж сами...

Наливай легко сдался. Видимо, его самого так и распирало поделиться с благодарным слушателем только что раскрытой тайной.

– В общем, если отбросить кое-какие неясности, здесь сказано... Вот дословно: «Будь проклят тот, кто откроет эти ворота, ибо выпускает на свет демона разрушения. Ждут его несчастья, катастрофы и мор...»

– Так и сказано?

– Точно так.

– Тогда давайте пока открывать ворота не будем, вернемся в лагерь и все там обсудим, – заключил Александр, беря низкорослого лингвиста за шуршащее оранжевое плечо и мягко увлекая его прочь от «ворот». – Заодно и покушаем: урядник Голинских знатную ушицу из моих хариусов обещал сварганить... Что, кстати, за камень, которым проем заложен? Мне показалось – мрамор...

Наливай пожал плечами:

– Не мрамор, конечно, без вариантов, но известняк – точно. Странно, никакого известняка поблизости не находили... Сплошные вулканические туфы, базальты и граниты.

– По местным картам или?..

– Или, – отрезал лингвист. – Я, каюсь, в этой области не слишком сведущ, но мы с Леонардом Фридриховичем послали по сети запрос в Санкт-Петербург и нам подтвердили, что ближайшее месторождение известняка расположено в полутора тысячах верст отсюда...

* * *

– Вскрывать, и никаких гвоздей! – горячился Агафангел Феодосиевич, размахивая огромным кулачищем, словно упражнялся в рубке лозы. – Зачем мы, в конце концов, сюда перлись за тысячи верст? Флюктуации отмечать ваши, Михаил Абрамович? Или ваши, Леонид Тарасович, напряженности и пучности электромагнитных полей?..

– Так же, как и ваши, между прочим, господин Новоархангельский! – не удержался академик Мендельсон, вступаясь за Смоляченко, залившегося краской так, будто занятие этими самыми напряженностями и пучностями разных там полей было донельзя непристойным.

– Господин Николаев-Новоархангельский! – взвился физик-помор, задетый за живое. – Только так, и не иначе!...

Мнения о том, вскрывать ворота сразу или подождать результатов дополнительных исследований, разделились. Половина ученых твердо стояла «за», вторая – так же категорически придерживалась обратной точки зрения. Мнения «охраны и obsługi», не говоря уже о проводнике, естественно, не учитывались. Бежецкий же временно занял ложу арбитра, стараясь вникнуть в доводы обеих сторон.

Доводы, увы, строго делились на малопонятные и абсурдные, причем как первых, так и вторых было более чем достаточно и многие из них многократно уничтожали друг друга, будучи взаимно противоположными по сути.

– Поймите вы, голова садовая, – распалился тем временем академик Мендельсон. – Нельзя вот так, не проверив ничего, с ходу отбросив возникшее обстоятельство, лезть напролом. Тем более – наплевательски относиться к подобным предупреждениям...

– Да-да! – встрял Наливай, хотя сам он только что голосовал за немедленное вскрытие ворот.

– Видите? – Михаил Абрамович, обрадованный поддержкой, возвысил голос. – Такими предупреждениями не бросаются! Помните «проклятие фараона⁷»?..

– Вы еще попа сюда позовите! – фыркнул Николаев-Новоархангельский, победно оглядываясь на своих сторонников, которые одобрительно зашумели. – Чтобы освятил плиту эту от греха... Или как там он у вас называется? Ребе?

– Раввин, – отрезал Мендельсон, тоже наливаясь краской. – Хотя к делу это не относится. Я не потусторонние моменты имел в виду, хотя, вскрывая дверь на тот свет, не учитывать их нельзя...

⁷ Вскрывшие в 1920-е годы гробницу легендарного египетского фараона Тутанхамона ученые загадочным образом погибли в течение короткого времени по различным причинам, что позволило родиться легенде о «проклятии фараона».

Теперь, уловив суть каламбура, засмеялись все собравшиеся, включая, к удивлению Бежецкого, казаков и главное – Тунгуса. Неужели бесхитрый таежный житель так быстро «обтесался» в интеллигентном обществе, что стал понимать игру слов?

– А вдруг там мощнейший источник радиации и, сняв плиту, мы инициируем такой выброс, что никто из здесь собравшихся живым отсюда уже не выберется?

– Не городите ерунды! – Агафангел Феодосиевич даже плюнул с досады. – А еще физик! Да разве известняковая плита, пусть даже метровой толщины, сможет ослабить гамма-излучение до почти естественного фона? Ну немного, пусть в несколько раз, превышающего, – поправился он, отмахиваясь от посыпавшихся со всех сторон поправок и уточнений. – Несущественно... Тем более что «фонят» как раз те камни, что мы сняли с плиты, а поверхность ее имеет почти естественный фон.

– Совершенно верно, – солидно кивнул головой бородач Никита Светозаров, поскольку утверждение касалось его, непосредственно проводившего замеры.

– И как такое могло получиться?

В ответ физик-помор только развел руками, торжествующе улыбаясь.

Почувствовав, что настала его очередь вмешаться, Бежецкий кашлянул и поднялся на ноги.

– Так как вопрос о вскрытии ворот остается спорным, я, согласно вверенным мне полномочиям, – формулировочка была насквозь «совковой», но ничего более подходящего, как назло, на ум не шло, – откладываю эту процедуру вплоть до поступления исчерпывающих инструкций из Санкт-Петербурга.

Сразу же после прозвучавшего заявления поднялся разноголосый ропот, и Александру тоже пришлось добавить металла в голос:

– Я сказал «откладываю», а не «отменяю». Это для тех из господ ученых, кто не расслышал. Продолжайте исследования, не связанные непосредственно с проникновением внутрь объекта, съемки, замеры... А последнее слово в вопросе «вскрывать или не вскрывать» все равно останется не за нами.

Ученые, разочарованно гудя, разбрелись кто куда, и у костра остались только Бежецкий с «подручными», один из казаков, Леонард Фридрихович и Тунгус. Последний, как показалось Бежецкому, одобрительно посмотрел на «капитану» и улыбнулся, продемонстрировав свои на редкость белые и ровные, хотя и мелковатые, зубы...

5

– Можно?

Унылый, сутулый и долговязый солдат, нестроевой статус которого был понятен любому искусенному взору по одному только неряшливому мундиру с болтающимися на соплях тусклыми пуговицами, погонами, съехавшими куда-то на грудь, и коротковатыми рукавами, обнажавшими мосластые запястья, а более всего – по повисшей чуть ли не до колен пряжке ремня, украшенной каким-то смазанным гербом, цепляясь прикладом длинной винтовки с примкнутым штыком за все возможное и невозможное, ввел Бекбулатова в кабинет и представился по форме:

– Рядовой караульной роты Пшимановский заключенного номер три тысячи двести пятьдесят пять доставил!

Кабинет, скрывающийся за монументальной дверью, украшенной надраенными до солнечного блеска, но глубоко проеденными местами ядовитой зеленью латунными цифрами «66» (впереди номера кто-то не без яда нацарапал на облупившейся краске чем-то острым еще одну шестерку, намекая, видно, на нечто inferнальное, свившее здесь свое гнездо), сильно напоминал школьный пенал, поставленный на ребро: непомерно высокий потолок при исключительной узости помещения, уходящего вдаль не менее чем на десять метров.

В бесконечно далекой перспективе, за конторским столом, едва видимым из-под рыхлых и шатких пирамид канцелярских папок, а также разного вида, оттенка, формата и степени ветхости бумаг, сложенных в относительном порядке и разбросанных совершенно произвольно, высывалась чья-то плешь, старательно заретушированная жидкими волосенками, черными и блестящими, аккуратно зачесанными набок, но все равно предательски светившаяся сквозь все декорации.

Сидевший поднял голову на призывный глас и, вперив в вошедших долгий взгляд из-под круглых очков в металлической оправе, задумчиво принялся грызть деревянный черенок перьевой ручки, которую сжимал в руке.

Несмотря на солидную лысину, чиновник был относительно молод – лет тридцать-тридцать пять – и несколько пухловат. Видимо, для того чтобы придать себе мужественности, он отпустил усы, которые, увы, росли жидковато, и все попытки как-то помаднить их, придать воинственности, что ли, привели к тому, что упитанная физиономия столоначальника приобрела разительное сходство с кошачьей.

Одет «котяра» был в черный сюртук полувоенного покроя без каких-либо знаков различия, обильно присыпанный по плечам перхотью, в очередной раз доказывавшей, что почти полное отсутствие волос сему бедствию не преграда...

Наконец взор чиновника приобрел некую осмысленность.

– Вольны, э-э-э... сольдат...

Рядовой Пшимановский, представить которого стоящим по стойке «мирно» мог только человек, обладающий поистине необузданной фантазией, расслабился еще больше, что само по себе, да еще в сочетании с его фигурой, узкой в плечах и широкой в бедрах, для человека военного было зрелищем почти порнографическим.

– Вольны, сольдат!

Встать еще вольнее было просто невозможно физически, и Пшимановский растерянно обратил к своему подконвойному лошадиное лицо, словно прося помощи.

Видя, что его не понимают, чиновник горестно вздохнул, с минуту рылся в бумагах, прежде чем извлечь на свет божий растрепанную книжицу, еще дольше листал ветхие страницы туда-сюда и наконец вода для верности пальцем, прочел, налегая на последний слог:

– Свободны...

– Оба?! – еще более изумился конвоир, становясь похожим на вопросительный знак.
– Нет... Только ви, солдат. За... М-м-м... Э-э-э... Заключенного положите... Э-э-э, оставьте...

Обрадованный солдат перебил толстячка, запутавшегося в глаголах окончательно, совсем непочтительно:

– Тогда расписочку позвольте...

Когда, грохоча прикладом своего допотопного «оленобая»⁸ о стены и мебель, царапая штыком стены, а ружейным ремнем цепляя за ручки шкафов, унося в нагрудном кармане мундира листок с накорябанными странным чиновником неразборчивыми каракулями, рядовой Пшимановский удалился, хозяин кабинета приглашающе указал по-детски пухлой короткопалой ладошкой на расшатанный стул:

– Садитесь...

Владимир не стал привередничать, усевшись по-хозяйски на скрипящее сиденье и скрестив руки на груди.

– Ваше имя, род... э-э-э... деятельности?..

Каждый вопрос, даже самый короткий, превращался для толстячка в настоящую пытку. Он кричал, пытал, шипел что-то нечленораздельное себе под нос, а пальцы его мелькали над растрепанной от частого употребления книжицей, которая, как понял уже Бекбулатов, представляла собой словарь.

– Quelle merdet!⁹ – наконец проникновенно заявил чиновник, швыряя свой талмуд на стол и глядя прямо в лицо Владимиру. – Eh bien, que pour le merdet, cette langue polonaise¹⁰

– Que tu as fixé les yeux sur moi, le Slave sale?¹¹

Не ожидая разумного ответа на свой риторический вопрос от «тупого варвара», как он себе под нос окрестил штаб-ротмистра, хозяин кабинета снова зарылся в ветхий разговорник.

– Le nettoyage n'empkchait pas vos vktements aussi,¹² – с достоинством заметил Владимир, закинув ногу за ногу и покачивая носком одного из грязных и рваных, к тому же разных, ботинок, полученных им взамен утопленных в памятное утро.

«Это моветон, господа, – сердито подумал он, отвлекшись на минуту от своего незавидного положения. – Выслушивать всякие грубости от какого-то лягушатника, пусть и на государственной службе...»

– De non votre esprit...¹³ – недовольным тоном начал было чиновник, но тут до него наконец дошло.

Оторвав взгляд от бумаг, человек в черном недоверчиво всмотрелся в лицо Бекбулатова и вдруг просиял:

– Vous le Franzais?¹⁴

– Pas tout a fait...¹⁵ – скромно опустив глаза, предпочел дипломатию прямому ответу штаб-ротмистр.

⁸ «Оленобой» – ружье легендарного следопыта Нати Бумпо – Кожаного Чулка, персонажа романов Фенимора Купера о Диком Западе, отличающееся феноменальной длиной ствола.

⁹ Экое дерьмо! (Фр.)

¹⁰ Ну что за дерьмо этот польский язык? (Фр.)

¹¹ Что ты уставился на меня, грязный славянин? (Фр.)

¹² Вашей одежде тоже не помешала бы чистка (Фр.)

¹³ Не вашего ума дело... (Фр.)

¹⁴ Вы француз? (Фр.)

¹⁵ Не совсем... (Фр.)

Через несколько минут Владимир и чиновник в черном, оказавшийся на поверку лейтенантом французского «La légion étrangère»¹⁶ Людовиком Пертинаксом, уроженцем солнечного Прованса, уже были закадычными друзьями-приятелями. Дверь кабинета была срочно заперта изнутри на ключ, украсившись снаружи листком с лаконичной надписью на каком-то странном диалекте (Пертинакс клятвенно утверждал, что это «propre polonais»¹⁷), гласившей о том, что хозяин вынужден удалиться на неопределенное время по весьма важным, не терпящим отлагательства делам. Занимающие стол бумаги волшебным образом, не меняя очертаний хаотичного нагромождения, перекочевали на широкий подоконник, а стол украсился бутылочкой (да что там бутылочкой – бутылью из темного стекла объемом в добрых полтора литра!) с неким содержимым... Характер жидкости прояснился сразу же после раскупоривания, так как тесное помещение тут же наполнилось благословенным ароматом хорошо выдержанного коньяка, то есть свежераздавленных постельных клопов, полатыни именуемых, как сообщил штаб-ротмистру словоохотливый хозяин кабинета, *Cimex lectularius*. Закуска была под стать «горячительному»: янтарный ноздреватый сыр, свежая зелень, фрукты, что-то нежно мясное в нарезке...

При виде всего этого великолепия, как по мановению магического жезла возникшего посреди убогого обиталища канцелярской крысы, рот князя мгновенно наполнился голодной слюной (последняя кормежка в тюремной камере ни в какое сравнение не шла с подобным натюрмортом, источающим аппетитнейшие запахи, да и относилась к настолько отдаленному прошлому, что не стоило и вспоминать), и он, как вы понимаете, не слишком горячо противился приглашению лейтенанта разделить с ним скромную холостяцкую трапезу...

* * *

Нищеврод, встреченный Бекбулатовым в канализационной трубе, оказался крысой.

Нет, не серым хвостатым грызуном – настоящим хозяином всех подземных коммуникаций, а не столь симпатичным внешне, но таким же вороватым, грязным и подлым чело-вечишкой...

Уже через полчаса после ухода бродяги якобы за провиантом для нового товарища по несчастью штаб-ротмистра скрутили дюжие молодчики в черной форме, мало чем отличающейся от той, что была сейчас на Владимире, предварительно забросав его убежище шашками со слезоточивым газом.

Обидно, что от неожиданности князь не только не успел применить оружие, но и толком двинуть кому-нибудь в рыло – не до того было отчаянно кашляющему и захлебывающемуся слезами и соплями беглецу. Чем и воспользовались атакующие...

Однако на выходе уже скованный наручниками Бекбулатов умудрился все же, оглядев-шись кое-как сквозь пелену слез, врезать ребром ступни под коленку нахально ухмыляющемуся стукачу и с глубоким удовлетворением услышал его плаксивый вой. Увы, за этим справедливым по своей сути актом возмездия от одного из полицейских тут же последовала «местная анестезия» в виде полновесного удара резиновой дубинкой (не той ли, трофейной?) по голове, надолго отправившего Владимира в нокаут...

Понимание того, что привычный мир, наполненный своими прелестями и горестями, преимуществами и недостатками, мир, где ждали штаб ротмистра верные друзья, нежные

¹⁶ Иностраннный легион – французское вооруженное формирование, набираемое на контрактной основе из иностранных граждан (наемники) и призванное решать особенно щекотливые боевые задачи во французских колониях. Создан королем Франции Луи-Филиппом 10 марта 1831 года для войны в Алжире по образцу иностранных войск, служивших во Франции со средневековья до Великой французской революции 1789 года. Принимал участие во всех колониальных войнах Франции до 1970 года. Неофициально существует и поныне...

¹⁷ Чистый польский (*фр.*)

любимые, терпеливые и не очень кредиторы и просто враги, остался где-то далеко-далеко, за невообразимой гранью сущего, постепенно пришло уже в тюрьме.

Особенно явным оно стало после того, как сменяющиеся следователи долго и нудно допытывались у него, правда избегая совсем уж радикальных мер, где он взял пистолет (причем не пистолет вообще, а ТАКОЙ пистолет) и что означает карточка с чужим портретом. Поняв, что совершил что-то из ряда вон выходящее, Владимир решил «уйти в отказ» и в конце концов был водворен в камеру, где неприятная догадка оформилась окончательно...

Если бы не переполнявший тесную камеру местного узилища многочисленный уголовный люд, князь решил бы, что находится в сумасшедшем доме – настолько ошеломляющим оказалось свалившееся на него открытие.

Хотя еще в бытность свою гусарским поручиком Бекбулатову и довелось пару лет послужить в Царстве Польском, точнее, в милом городке Белостоке, где был расквартирован одно время его полк, языком Мицкевича и Шопена, увы, в достаточной мере он так и не овладел. Местные дамы до определенных пределов общения вполне удовлетворялись его французским, на несовершенство которого еще в нежном детстве пенял Владимиру его добрый гувернер мсье Леруа, а перейдя указанные пределы – интернациональным... С рогами же мужьями опускаться до подобных тонкостей в гусарской среде вообще было не принято. Конвейер, описываемый формулой: «Скандал + перчатка + вызов = барьер», работал без перебоев... Именно из-за его четкой работы, не допускающей сбоев и простоев, поручику Бекбулатову и пришлось в конце концов приостановить изучение польского языка и с временной потерей звездочек на погонах, под рыдания безутешных дам – от светских львиц, до миленьких горняшечек и белошвеек – и злорадное шипение шляхтичей и прочих горожан мужеска полу покинуть сей гостеприимный город...

Слабые познания в местном диалекте, еще более отличающемся от канонической формы польской мовы, чем язык, скажем, белых североамериканцев от оксфордского английского, вызвали ярость невольных сокамерников, справедливо заподозривших в новичке ненавидимого и презираемого коренного жителя, то есть москаля, поэтому, вместо немедленного пополнения своих лингвистических запасов штаб-ротмистру пришлось самому на некоторое время сделатья учителем... Приемы рукопашного боя, которыми Владимир владел гораздо лучше, чем французским языком, и почти так же хорошо, как... хм, интернациональным, были доходчивы и легко усваивались благодарными учениками всего после нескольких повторов. После того как добрая половина их оказалась в живописных позах на заплеванном грязном полу, а остальная, дрожа от страха за свою шкуру, – под нарами, демонстрацию того самого лома, против которого, как известно, нет приема, пришлось, опять-таки вынужденно, прекратить...

Едва не до смерти отравленному слезоточивым газом князю пришлось простучать зубами в тесном, как шкаф, и холодном, словно морг, карцере всего ничего – какую-нибудь недельку, пока администрация тюрьмы деятельно искала, куда бы сплавить неудобного и непонятного арестанта. Не найдя ничего более подходящего, агрессивного «постояльца» временно вернули в камеру, правда отсадив из нее куда-то всех побывавших на полу после знакомства с кулаками, пятками, неслыханно прочной черепной коробкой и прочими не менее убойными частями бекбулатовского организма.

Выход был все же в конце концов найден, причем с пресловутой польской изворотливостью, передавшейся, видно, через столетия от определенного рода бывших сограждан, более-менее организованно перекочевавших в мире Бекбулатова в более хлебные места Российской империи...

В одно прекрасное утро штаб-ротмистра со всей почтительностью (некоторые надзиратели тоже уже имели честь ознакомиться с разносторонними талантами арестанта, лежавшими далеко вне сферы лингвистики) извлекли из камеры и повели куда-то... То ли началь-

ство тюрьмы не ожидало от своего «крестника» особенной тяги к воле, то ли, наоборот, уповало на нее, но его отправили без наручников чуть ли не через весь город в некое административное здание под конвоем одного, уже знакомого нам, рядового Пшимановского. То, что допотопная винтовка нескладного и добродушного, словно некоторые из животных, которых он отчасти напоминал, Войцеха вообще не заряжена, выяснилось спустя какие-то пятнадцать минут.

Долговязый солдат, оказавшийся весьма словоохотливым (причем словоохотливость его возрастала от пивной к пивной, которые странноватая парочка посещала с завидной регулярностью на всем протяжении долгого маршрута), мешая польские, немецкие и даже русские слова поведал своему «с неба свалившемуся» подконвойному много такого, чему уши штаб-ротмистра просто отказывались верить.

По словам Войцеха, Владимир пребывал сейчас именно в Москве, однако не во второй столице Российской империи, древнем стольном граде, где испокон века короновали государей всероссийских, а в административном центре Речи Посполитой Московской – восточной части триединой Польской монархии, раскинувшейся от Вислы до Волги и от вятских лесов до степей Малороссии.

Хотя, собственно, таких понятий, как «Малороссия» да и «Россия», вообще в этом мире не существовало...

Из-за фатального просчета новгородцев, остерегшихся звать в качестве главнокомандующего своей дружиной многоталанного Александра Ярославича, стальная лавина крестоносцев Тевтонского ордена в 1242 году хлынула на только что пережившие кошмар первой волны монгольского нашествия русские земли, огнем и мечом насаждая у восточных славян католичество и немецкий «орднунг»¹⁸. Конечно, колонизация громадных по европейским меркам просторов «Остланда»¹⁹ заняла у немцев, ряды которых пополнялись почуявшим наживу разноплеменным людом со всей Европы, не годы, а несколько столетий, выхолостив попутно напрочь запал эпохи великих географических открытий. К чему, рискуя жизнью, тащиться на хрупких, словно ореховых, парусных скорлупках вокруг Африки в поисках морского пути в Индию, не говоря уже о самоубийственном пути через Море мрака на Запад, когда открыт практически безопасный путь в те же земли по суше?

С немецкой педантичностью обустроенный новый северный «шелковый путь» был равносителен открытию Америки и привел к тем же результатам, только роль Испании и Португалии, ожиревших без особенного толку для себя в привычном Бекбулатову мире, заняла Германия, тогда себя Германией не осознававшая и протянувшая свои щупальца далеко на восток. Однако и тут было не все ладно: вместо ремесленников и купцов Центральной и Северной Европы здесь богатели новые конкистадоры, ряды которых пополняло нищающее у себя на родине крестьянство, а развивались пользующиеся успехами своих более удачливых соседей рачительные голландцы, англичане и обитатели многочисленных итальянских республик... Юг Италии, Испания и Португалия, увы, разделили участь России, поглощенные без остатка разросшимися арабскими халифатами, угрожавшими долгое время Франции.

Немало сделала для «локализации» Европы чума, привезенная с товарами из восточных стран и проредившая население с педантичностью аккуратного европейского садовника. Впитанного бывшей Россией, будто огромной губкой, и уничтоженного «черной смертью» избытка населения, игравшего в мире Владимира роль вечного двигателя экспансии за океаны, здесь просто-напросто не было.

¹⁸ Der Ordnung – порядок (нем.).

¹⁹ Ostland – Восточные Земли (нем.).

Пока вся Западная Европа в середине XVII столетия занималась отражением атак с противоположного берега Атлантики (гребной флот инкского императора Тупанки-Атауа – чего-то среднего между Чингисханом и Генрихом Мореплавателем этого мира, отправленный на поиски легендарной Земли предков, высадил крупный десант во Франции, близ Ла-Рошели, и Европу спасло только некоторое технологическое отставание индейцев), Польша, воспользовавшись ослаблением «восточных» немцев, все более и более дробивших свои владения на сотни мелких и мельчайших княжеств, герцогств, графств и баронств, «освободила» почти всю бывшую Русь, включая Москву, остановив свое победоносное продвижение только на Волге...

Чем для москалей закончилось «братское» вторжение, Владимир у Пшимановского, недоучившегося студента-историка Краковского университета, загремевшего в армию в основном благодаря своей феноменальной невезучести и близкому знакомству с Бахусом, так и не узнал – они уже приближались к двери с многозначительным номером «666»...

* * *

– Почему же вы, мсье Владимир, не желаете меня слушать? – горячился Людовик Пертинакс, расплескивая по мутноватым стаканам, заменявшим коньячные бокалы, содержимое уже второй по счету бутылки, своевременно сменившей первую на боевом посту. – Иностранский легион Французской республики выполняет в заморских территориях не только военные задачи...

Пирушка, в которую сам собой перетек невинный полдник под сенью канцелярских шкафов, была в полном разгаре. К глубокому сожалению, закуска иссякла еще на половине первой емкости пертинаксовского «Курвуазье», поэтому эмоциональный накал беседы неуклонно возрастал с каждой употребленной собутыльниками порцией коньяка. Правда, великолепный агент Иностранного легиона сделал было попытку исправить это упущение, решительным жестом сняв со стойки рожок, который Бекбулатов с некоторым сомнением идентифицировал как местный аналог телефона, и потребовав от какого-то сержанта с неразборчивой фамилией срочно доставить в его кабинет обед на две персоны. Попытка ли выполнить сержант приказание лейтенанта, так и осталось невыясненным, потому что в запертую дверь стучали ежеминутно, но Пертинакс непременно останавливал Владимира, порывавшегося отворить, пьяно ухмыляясь и прижимая палец к губам. Впрочем, вряд ли загадочный сержант вообще понял, чего от него хотел француз, поскольку польское окончание его фамилии «-ский» штаб-ротмистр расслышал явственно, а общаться с ним Людовик пытался, конечно же, на родном французском языке...

– Совершенно с вами согласен, – ответил Владимир горячему галлу, морщась от глотка ядерного французского «табуреточника» и пытаясь, за неимением чего-то более подходящего, занюхать отраву листиком, сорванным с какого-то чахлого растения, медленно угасающего на окне кабинета и напоминавшего внешне всем знакомый фикус. Можно было бы и по-мужицки, рукавом, но не в присутствии же представителя иностранной державы!.. – Просвещение чернож... Пардон, оговорился, чернокожих дикарей входит в прямые обязанности легионеров, равно как и прочие гуманитарные акции, как то: проповедование среди них трезвости, воздержания и человеколюбия, насаждение нравственности...

– Совершенно зря иронизируете, мсье, – хватанувший добрые полстакана обжигающей жидкости француз выказал свою к ней привычку и не стал посягать на ни в чем не повинное растение, и так страдавшее от недостатка солнца на северном окне и избытка мусора в своей обширной кадке, служившей, судя по всему, еще и мусорной корзиной. Он только уныло пощелкал пальцами над столом, аристократически поворошил пальцем редкие хлебные и сырные крошки и, как истинный парижанин, небрежно пожал плечами. – Не скажу за

нравственность и трезвость, но свои миротворческие функции Легион исполняет исправно. Хотя бы в Фесском конфликте, в котором я принимал непосредственное участие...

Лейтенант пустился в пространное описание Фесской кампании 1998 года, разбавляя реальные воспоминания боевого офицера, без сомнения нюхнувшего пороху, такими фантастическими отступлениями, что сам пресловутый барон Мюнхгаузен удавился бы от зависти, слушая такое. Правда, роль медведей и волков в его рассказах исполняли верблюды, а турок – бедуины. Владимир не остался в долгу, поведав алчущему армейских баек собеседнику несколько эпизодов из своей боевой юности, естественно не называя имен и местностей, в них фигурирующих.

Посиделки двух офицеров, уже души не чаявших друг в друге, завершились уже затемно. Завершились, кстати, посиделки, а не сопутствующее им занятие.

Благородный Пертинакс свел нового приятеля в некое заведение неподалеку от того места, где квартировал, и веселье разгорелось с новой силой, причем по качеству польская водка мало чем уступала французскому коньяку, а по степени усвоя... усвай... тьфу ты пропасть! Пилась она лучше, вот что!

Словом, Владимир проснулся под утро с головой, трещащей, будто лесной орех под стотонным прессом, проснулся не в привычной камере, а в чьей-то мягкой постели, да к тому же в костюме Адама, то есть совершенно голым, если не считать дурацкой ермолки на макушке, в которой с трудом узнавался форменный головной убор Пертинакса. Рядом кто-то не то посапывал, не то постанывал...

Опознав шляпу нового друга, он попытался разглядеть что-нибудь в полутьме, с ужасом ожидая увидеть кошачьи усы и тщательно скрываемую плешь, но перед ним оказалось довольно миленькое женское личико, полускрытое длинными распущенными волосами, прелестное обнаженное плечико и... Хм...

Созерцание чудесного видения вместо ожидаемого ужасного зрелища, восхитительный женский аромат, который не в состоянии был перебить даже коньячно-водочный перегар, исторгаемый штаб-ротмистром, будто сказочным Змеем Горынычем, и долгое воздержание подействовали на гусарское естество Владимира совершенно предсказуемым образом...

Где-то в глубине сознания билась, правда, как муха об оконное стекло, мыслишка о каком-то договоре, подписанном вчера в запале пьяной любви ко всему страждущему человечеству, и каких-то деньгах, полученных в качестве аванса, но утешало, что были они не такими уж и большими, а бумага скреплялась вовсе не кровью, а обычными чернилами...

* * *

Смотровая площадка рейсового дирижабля «Александр Ягеллончик», следующего по маршруту Москва – Стамбул, продувалась всеми ветрами, особенно в эти золотые осенние дни.

Однако сидеть в каюте или, того хуже, дуться в «коралик» (один из местных аналогов привычного по прежней жизни виста) с такими же, как он, волонтерами Иностранного легиона, пропивающими и спускающими в карты не слишком-то щедрые подъемные, когда внизу проплывала такая красотища, было выше штаб-ротмистровых сил. Владимир, одевшись потеплее и одолжив сильный бинокль у второго помощника капитана сего воздушного судна Збигнева Крохальского, с которым благодаря природным своим качествам, почитаемым среди главных, сиречь общительности и обаянию, а также кое-каким запасам, сделанным в Москве, уже был на короткой ноге, второй час торчал, облокотившись о довольно хлипкий поручень и увлеченно следя за сменяющимися друг друга пейзажами осенней среднерусской природы.

Неторопливый полет, вернее, парение в нескольких сотнях метров над грешной землей вместо привычных тысяч на заоблачном скоростном лайнере, исподволь навевал обычно несвойственные Бекбулатову романтические мысли.

– Вы не находите, пан Пшимановский, что предвечерняя рус... восточноевропейская (штаб-ротмистр чуть было не ляпнул «русская») природа достойна кисти великих мастеров? Особенно с высоты птичьего полета...

Насквозь промерзший пан Пшимановский, мечтавший сейчас о кружке горячего чая с коньяком или, на худой конец, с вином, промышчал что-то маловразумительное, цепляясь изо всех сил за металлическую вертикальную стойку. Кроме собачьего холода и пронизывающего ветра бедного поляка жутко донимала высотная болезнь, оказавшаяся вполне сродни морской, однако отличавшаяся от последней одной весьма подлой особенностью: тогда как морская болезнь легче переносится в горизонтальном положении, ее гадская родственница подобного совершенно не терпит, заставляя внутренности проситься наружу при одной мысли о койке. Вполне возможно, правда, что этой специфической реакцией грешил исключительно организм Войцеха в силу его фатальной невезучести...

Единственной мыслью, сверлившей в данный момент мозг бывшего студента, превратившийся, как ему казалось, в полузамерзший студень, было одно: зачем он поддался на уговоры своего недавнего подконвойного, оказавшегося истинным змеем-искусителем, и дал втянуть себя в явную авантюру?

В то памятное утро рядовой караульной роты Пшимановский почти так же, как сейчас, правда ощущая под ногами вожделенную твердую почву, мерз на посту возле покрытых слоем многолетней ржавчины ворот тюрьмы, мечтая даже не о кружке чего-нибудь горячительного, а о крохотной чашечке кофе, пусть даже давно простывшего, всего о каком-нибудь глотке... Единственным отличием от его нынешнего состояния были похмельные страдания, оказавшиеся, впрочем, двоюродной сестрой высотной болезни.

А как же иначе, когда, приняв изрядно еще в процессе конвоирования заключенного номер три тысячи двести пятьдесят пять, Войцех на радостях от успешно исполненной миссии забрел в давно знакомый ему уютный подвальчик «У кота», хозяином которого был не еврей, как обычно, а самый что ни на есть великопольский земляк, и где подавали настоящую польскую водку. Там он встретил таких приятных людей, что...

В чем именно заключалось это «что», бедный солдат помнил довольно смутно. Совершенно определено, что это «что» имело место, потому как Пшимановский очнулся только на рассвете неподалеку от места своей службы, в сточной канаве, крепко, словно полузабытую уже краковскую подружку Барбару Ковальскую (для добрых знакомых – просто Баську), обнимая незаряженную винтовку со свинченным кем-то, вероятно на память, штыком. Слава Всевышнему, расписка о сдаче с рук на руки заключенного оказалась на месте, изрядно, правда, помятая, с оторванным уголком и почему-то вся изгвазданная чем-то неприятным... В карманах гулял ветер, в голове похмельные кузнецы подняли дикий перестук, а командир, добрейший пан Войтыла, наорав и пригрозив отдать под трибунал за частичную утерю табельного оружия, отправил под дождь и холод в двойной караул, благо понижать в чине рядового было уже некуда...

Надо ли говорить, что возникший из муаровой занавеси морозящего дождя смутно знакомый господин в цивильной одежде, протянувший прямо под нос страдальцу флагу с чем-то ароматным, показался истинным посланником Небес... Такова горестная история грехопадения бедного Войцеха, по наущению искусителя дезертировавшего тут же из постылой армии.

Мало-помалу пейзаж за бортом скрылся в вечерней тени. Там, на земле, уже наступили сумерки, зажигались огни в редких деревеньках, проплывавших внизу, хотя здесь все еще светило солнышко, только клонившееся к горизонту.

Наконец, пришло время скрыться и ему. Воздушный корабль, поскрипывая какими-то не ведомыми непосвященным деталями обшивки и тем самым еще более напоминая обычный, морской, всплывал в чернильную мглу, сам постепенно растворяясь в темноте.

– Послушай, милейший! – Бекбулатов поймал за рукав спешившего мимо матросика, который даже не попытался вырваться, разумно посчитав, что, если кто-то обращается к нему таким барственным тоном, значит имеет на это полное право. – Почему не зажигаем ходовые огни?

– Опасаемся, ваша честь! – не зная, как обратиться к незнакомому субъекту, матрос выбрал наиболее нейтральный вариант. – Скоро украинские земли...

Владимир бросил взгляд за борт, но ничего там, естественно, не различил, кроме какого-то одинокого огонька, скрывающегося в данный момент за «кормой».

– А при чем здесь украинские земли?

«Небачок» (так по аналогии с морячком окрестил его Владимир), оглянувшись, приблизил свою голову к уху любопытного пассажира:

– Сбивают, ваша честь...

– Чем? – поразился Бекбулатов.

Как он уже выяснил, данный сумасшедший мир лет на семьдесят-восемьдесят отставал в развитии от привычного, высокотехнологичного. Первые робкие шаги здесь делала авиация, автомобилестроение, кинематограф, радио, бороздили небеса такие вот левиафаны-дирижабли, дымили паровозы, только появлялись револьверы и неуклюжие по конструкции многозарядные пистолеты (именно из-за необычного оружия его и мурыжили следователи), а самый современный пулемет требовал для своей перевозки с места на место ломовой телеги и четырех человек для обслуживания...

– Не могу знать! – Повадка матросика выдавала в нем недавнего служаку. – Запускают с земли какие-то штуки и попадают... С начала прошлого года два дирижабля таким образом сбили. Вместе со всем экипажем...

– А вы, значит... – догадался Владимир.

– Ага! Подгадываем к ночи и тихонечко так, на малой тяге, почти бесшумно, без единого огонька проскакиваем... Утром, смотришь, уже Бахчисарай за бортом, а потом – море...

– Я слышал, в таких случаях принято с борта ракеты пускать, чтобы сбивали врага с курса, – вспомнил штаб-ротмистр рассказы Бежецкого («Эх, Саша, Саша, где ты, дорогой?!»), попадавшего в подобные передряги во время службы «на Дальнем Юге».

– Да тут хоть сало кусками разбрасывай... – печально вздохнул матросик. – Один результат... Позвольте, ваша честь?..

Словоохотливый «небачок» деликатно высвободил рукав форменки и унесся куда-то по своим делам.

Желание мерзнуть на открытой палубе само собой истаяло без следа, да и все равно не видать внизу ни зги...

– Пойдемте внутрь, пан Пшимановский! – Владимир довольно невежливо растолкал попутчика, то ли задремавшего, то ли примерзшего напрочь к своей опоре, слившись с ней в одно целое. – Врежем по стаканчику местного грога да на боковую...

– В самом деле... – Войцех, протирая на ходу подернувшиеся инеем очки, опасливо, в несколько приемов, отклеился от стойки. – А то стемнело уже, холодает...

Не успел он, однако, коснуться ручки двери, скрывавшей за собой коридор, ведущий вниз, в теплый салон, как совсем рядом раздался ужасный вой, завершившийся оглушительным взрывом. Палубу мотнуло под ногами, и невезучий новобранец Иностранного легиона, даже не пикнув напоследок, полетел куда-то...

Авантюра студента-недоучки так и закончилась бы, почти не начавшись, если бы змей-искуситель, проявив действительно змеиную гибкость и реакцию, не успел крепко схватить

его за воротник пальто и втянуть, уже болтающегося всем телом за бортом, на ставшую внезапно еще более ненадежной твердь.

Кругом грохотало, метались сполохи, смахивающие на фейерверк, дирижабль болтался, словно утлая шляпка на волнах, от чего желудок горемыки, было по привычке к высотной болезни, тут же ринулся спасаться бегством...

– Эх, накаркал «небачок»! – прокричал прямо в ухо захлебывавшемуся рвотой Войцеху Бекбулатов. – Попали мы, похоже, под обстрел... Ну, если пронесет...

Не пронесло.

После особенно громкого взрыва, отдавшегося печальным треском и скрипом где-то внутри гигантской сигары, дирижабль уныло клюнул носом и, все убыстряя ход, словно с горы заскользил к земле.

– Все! – стараясь перекричать свист встречного ветра, проорал Пшимановскому крепко державший его штаб-ротмистр. – Падаем!.. Держись, солдат!..

– Что «все»?.. – попытался выдать из себя Войцех, не расслышавший окончания бекбулатовской тирады, но слова запикивало давлением воздуха обратно в рот. – Мы падаем?..

Ответить Владимир не успел: страшный удар выбил из обоих дыхание и, оторвав друг от друга, швырнул, как тряпичных кукол, в разные стороны...

6

Сегодня в офицерском собрании лейб-гвардии Уланского ее величества полка с утра царил веселый переполох: к шести часам вечера должен был прибыть на традиционный полковой обед сам государь.

Хотя шефом полка официально являлась государыня, Николай Александрович к уланам в Новый Петергоф приезжал почти всегда один, реже – с цесаревичем, а Елизавета Федоровна осчастливила офицеров полка высочайшим своим присутствием лишь один раз за все то время, что Александр его возглавлял, – на Рождество прошлого, 2002 года...

– Зачем же, господа, мы будем утомлять государыню, супругу нашу, своим грубым мужским присутствием, – шутил обычно по этому поводу император, тонко улыбаясь с неповторимым прищуром выпуклых светлых глаз, которые придворные льстецы так часто сравнивали с прапрапрадедовскими. – Ведь мы сейчас тут водку будем пить, курить, песни орать, дебоширить да анекдоты скабрзные опять же... Ей-то какво? Ведь дам за столом не предвидится – сугубо мужской коллектив-с!..

Никаких, естественно, скабрзностей, тем более дебоша за обедом никогда не случилось, за этим строго следили, но коли Николаю Александровичу угодно было оправдывать отсутствие супруги таким образом...

На этот раз в Новый Петергоф государь должен был приехать без обычной своей свиты, лишь в сопровождении семидесятидвухлетнего военного министра Сергея Витальевича Победоносцева, бывшего некогда, задолго до Бежецкого, командиром полка, да нескольких телохранителей, и кортеж сопровождающих его автомобилей ожидался невеликим. Чего нельзя было сказать о приглашенных.

Дело в том, что на традиционные полковые обеды с высочайшим присутствием по заведенному десятки лет назад обычаю съезжались все пребывающие в здравии бывшие, так называемые старые, командиры, которых, кроме упомянутого уже Победоносцева, насчитывалось немало, а также многие из офицеров, прежде служивших в рядах полка. Теперь двор Собрания, мощный по старинке брусчаткой (да, собственно, мостовая работы мастеров своего дела с середины XIX столетия, когда и было воздвигнуто нынешнее здание на месте сгоревшего во время подобного обеда, в особенном ремонте, кроме косметического, не нуждалась), был весь, без малейшего промежутка, в несколько рядов заставлен автомобилями. Хочется назвать их разномастными, но таковыми они не являлись по определению: здесь были собраны исключительно солидные представительские авто, в большинстве своем «Руссо-Балты» нескольких последних моделей с редким включением «мерседесов», «ландскрон» и подобных им. Царил на стихийной автостоянке его величество черный цвет во всех своих вариациях и оттенках (если можно говорить об оттенках черного цвета). Лишь где-то на отшибе, подобно тому как некоторые гостеприимные хозяева сваливают собственную обувь, чтобы освободить место для гостевой, пестрела невеликая кучка более простых железных коней, принадлежавших офицерам полка. Где-то там затерялась и «кабарга» Бежецкого... Естественно, почетное место перед подъездом занять никто не посмел, и императорскому кортежу предстояло там весьма вольготно разместиться.

В ожидании государя все две с лишним сотни предвкушающих обед мужчин самого разного возраста поодиночке и компаниями дефилировали в просторной гостиной между столиками, уставленными всевозможной легкой закуской и слабеньким горячительным вроде сухого вина или пива, отдавая в большинстве своем должное как первому, так и второму. Присутствовали здесь все поколения «царицыных улан», от юного Петеньки Трубецкого, впервые появившегося на подобном мероприятии не так уж давно, до восьмидесятивосьмилетнего патриарха князя Орбелиани, смахивающего на досточтимого Суворова

бодрого сухонького старичка, вышедшего в отставку ротмистром лет сорок назад, но и по сей день не избегавшего возможности слегка промочить горло в приятной компании. Злые языки утверждали, что именно пристрастием к подобному рода времяпрепровождению почтенный Михаил Вахтангович и свел в могилу поочередно всех своих четырех жен, чтобы жениться двенадцать лет назад на молоденькой тогда княжне Ломидзе-Садогуровой.

Александр, в парадном мундире конечно же, находился среди гостей, вынужденный поминутно раскланиваться, пожимать протянутые ладони, а то и слегка обниматься с тем или иным бывшим или действующим офицером. Конечно же, Бежецкий не был новичком в этом просторном аквариуме, наполненном яркими представителями вида «царицынус уланус», – еще полтора с лишним десятка лет назад его посвятили в ряды уланского братства, сопливого еще подпоручика, едва привыкшего к звездочкам на плечах... Мог ли он мечтать тогда о том, что будет когда-нибудь принимать самого государя императора, да еще на правах хозяина?..

– Ба-а! Кого я вижу! – К Бежецкому, сильно хромя и опираясь на массивную трость, приблизился худощавый, хотя и широкий в кости, убеленный сединами господин, в котором Александр с трудом узнал командира своего первого эскадрона ротмистра Ковалевского. – Сашенька Бежецкий собственной персоной!.. Наслышан, наслышан о ваших успехах! – После крепкого дружеского рукопожатия старый служака, не отпуская руки Александра, откинулся назад, чтобы лучше его рассмотреть. – Изволили стать батюшкой великого князя? С вас причитается! – рассыпал по-стариковски дробный смешок Дмитрий Аркадьевич и шутливо погрозил зажатой в кулаке тростью. – Совсем забыли нас, старую гвардию...

За разговорами, приветствиями и поздравлениями знакомых, полужнакомых и совсем незнакомых людей незаметно пролетело время, остававшееся до визита императора, поэтому Бежецкий спохватился только тогда, когда по гостинной пролетел шепоток: «Едут, едут...»

Одернув украдкой мундир и скосив глаз на огромное, в полтора человеческих роста зеркало, полковник ее величества лейб-гвардии Уланского полка поспешил во двор, чтобы встретить самого дорогого гостя...

* * *

Обед давно был в разгаре, и над огромным столом в виде буквы «П» с сильно укороченными ножками висел звон столовых приборов и гомон голосов.

Накрыт был стол, по давным-давно устоявшейся среди «царицыных улан» традиции, исключительно серебряными приборами с позолотой, поэтому даже изрядно разворошенный сотнями вилок и ножей натюрморт, несомненно, снискал бы славу кому-нибудь из «старых голландцев», дерзнувшему его запечатлеть на полотне, и впечатлял своим величием.

Не будем останавливаться подробно на содержимом десятков судков, блюд, супниц, салатниц, кокильниц и кокотниц, скажем только, что оно конечно же полностью соответствовало рангу собравшихся здесь гостей и ничуть не посрамило благородного металла, который наполняло.

Во главе стола сидел, естественно, сам государь, имея по правую руку действующего командира полка в лице Бежецкого, а по левую – самого старшего из прежних, Сергея Витальевича Победоносцева. Вокруг основной троицы и напротив ее сели остальные старые командиры вперемешку со штаб-офицерами и ротмистрами полка. Специально никто никого не рассаживал: каждый сам садился так, как ему было удобно, и поэтому в процессе размещения за столом то и дело вспыхивали шутливые ссоры, придававшие обеду характер так любимой императором демократичности и непринужденности.

Еще больше непринужденности обеду придавало то обстоятельство, что его величество охотно беседовал со всеми окружавшими его, причем человек несведущий никогда не принял бы его за властелина супердержавы, настолько он был в такие далекие от официальности часы любезен и обходителен со своими подданными, которыми все здесь без исключения являлись. Более всего, кажется, раскрепощало Николая Александровича отсутствие вездесущих представителей иностранных держав и еще более несносных «рыцарей пера и объектива», сиречь журналистов всех мастей, которым вход на подобные мероприятия был строго заказан.

Цветов за столом, как атрибута сугубо дамского, равно как цветистых тостов и витиеватых речей не было, что очень расстраивало, без сомнения, происходивших с солнечного Кавказа офицеров, которых среди присутствующих была едва ли не пятая часть. Горечь их от невозможности высказаться в своем любимом стиле, до которого все кавказцы великие охотники, скрашивала бутылка настоящего «Киндзмараули», любимого государем, стоявшая перед ним. И хотя выпил он в течение обеда не более одного-двух бокалов, вино давало повод впоследствии говорить об особенной любви императора ко всему кавказскому. А уж если он изволил положить на тарелку пучок зелени, баранье ребрышко или ломтик сыра...

Песенников или духового оркестра, как у лейб-гусар, отцом-покровителем, бывшим сослуживцем и шефом которых был покойный батюшка императора Александр Петрович, не говоря уже об исполнительницах шансонеток и цыганах, обладавшие несколько отличным от гусарского вкусом «царицыны уланы» никогда не приглашали, считая это моветонном. Взамен подобных бурных увеселений в столовой обычно играла тихая, ненавязчивая музыка – что-нибудь из классики или вещей последних лет, подходящих по стилю...

За приятным общением никто не заметил, как пробил десять, и после обычного шампанского под заливную осетринку был подан кофе, который большинство присутствующих в пропорциях, диктуемых здоровьем и рассудительностью, разбавляло ликерами, наличествующими на столе в большом ассортименте, а кое-кто и коньяком. Последнее обстоятельство еще больше добавило застолью непринужденности, а беседам – оживления. Порой собеседники должны были прерываться и со снисходительной улыбкой ждать, пока стихнет очередной взрыв хохота, раздававшийся с одного из дальних концов стола, где восседали преимущественно корнеты,²⁰ поручики и некоторые из наиболее молодых (если не по возрасту, то по состоянию души) бывших офицеров полка. Самым веселым из балагуров непременно оказывался все тот же Михаил Вахтангович, накопивший за свою долгую жизнь бесчисленное множество шуток, былей и анекдотов. Государь всегда вполголоса просил Александра, чтобы он рассказал ему именно тот анекдот, над которым так смеялась «молодежь». Вообще Бежецкий к середине обеда как-то незаметно стал основным собеседником высочайшего гостя, так как находившийся по левую руку военный министр Победоносцев по причине дряхлости то и дело впадал в сладкую дрему, сидевшие напротив старые командиры увлеклись обсуждением интересного, с их точки зрения, проекта изменения строевого устава, а штаб-офицеры, не говоря о ротмистрах, несколько робели Николая Александровича.

После того как первая половина обеда была завершена, все, повинувшись приглашению камердинера, поднялись из-за стола и, пока убиралась столовая, разошлись по соседним комнатам, где были и бильярд, и курительная.

Попросив случившегося неподалеку графа Ралевича, тоже старого командира, но гораздо моложе Победоносцева, проводить старика до дивана в гостиной, государь непринужденно взял Бежецкого под локоть.

– Не выйти ли нам проветриться, Александр Павлович? – с легкой улыбкой спросил император. – И заодно выкурить по сигарете. Знаете ли, с юношеских лет не люблю сильно

²⁰ Корнет – первый офицерский чин в кавалерии. Соответствовал прапорщику в пехоте и артиллерии.

накуренных помещений, а у «царицыных улан» всегда дымят, словно паровозы! Не возражаете?..

– Почему же, ваше величество...

– Бросьте, Александр Павлович, – шутливо нахмурился самодержец. – Давайте оставим все эти экивоки для официальных приемов. Мы же с вами условились как-то, помнится, называть друг друга в приватной обстановке только по имени-отчеству. Забыли?..

– Забыл, – искренне рассмеялся Александр. – Забыл, Николай Александрович...

* * *

– Давно хотел вас спросить, Александр Павлович. – Император облокотился на перила небольшого «курительного» балкона, выходящего в почти полутора столетний парк, разбитый на месте регулярного времен Николая I, благополучно сгоревшего вместе со зданием Соборной при памятном пожаре. Бежецкий благоразумно не повел высочайшего гостя во двор, где курила молодежь и откуда сейчас, несмотря на то что балкон выходил на противоположную сторону дома, доносились обрывки разговоров и взрывы хохота. Вечер стоял не по-весеннему теплый, и на втором этаже не ощущалось даже малейшего дуновения ветерка. Пахло прошлогодней листвой и прелой землей, а комары по ранней поре отсутствовали напрочь. – Как здоровье вашей дражайшей супруги Елены Георгиевны и сыночка? Не скучают они в своем Саксен-Хильдбургхаузене?

Пришлось описать, в самых общих чертах конечно, не блещущую еще особенными приключениями по причине малолетства жизнь наследника Гошки и заодно его счастливой мамы. Государь, и сам многодетный отец, слушал внимательно, согласно кивая в нужных местах, вставляя дельные замечания и советы... Со стороны могло показаться, что беседуют не два монарха – реальный и довольно фиктивный, – а старые приятели, обремененные домашними заботами и выбравшиеся на минутку покурить, воспользовавшись отлучкой своих благоверных и домочадцев.

– Кстати, а почему вы не курите? – поинтересовался Николай Александрович, докурив, по своему обыкновению, сигарету до половины, затушив и тут же прикурив новую. – Бросили? Или врачи не разрешают?

Сердясь на себя, Александр признался, что забыл сигареты в кабинете. Дело в том, что при строгом по покрою парадном мундире пачка «Золотой Калифорнии», оттопыривающая любой карман, не смотрелась, не то что в жандармском или вообще в гражданском костюме, а таскать ее в руке...

– Ну что же вы, Александр Павлович... – тихо рассмеялся император. – Для чего же тогда умные люди изобрели портсигар? И смотрится изящно в любом кармане, и вообще... Угощайтесь. – Золотой портсигар, полный душистых, хотя и не тех, привычных, сигарет, тут же перекочевал к собеседнику. – Раз уж такое дело – дарю! Не вздумайте отказать!

Отказаться от собственноручно врученного самим государем подарка было немислимо да и неприлично до предела... Благодаря императора за дорогой (не в смысле цены, конечно) презент, Бежецкий готов был провалиться сквозь землю, вернее балконную плиту, от стыда. Подумать только, на какие ухищрения идут царедворцы всех рангов, чтобы заслужить или выпросить подобный дар, а он... Не подумает ли самодержец, что он, Александр, нарочно так все подстроил?.. Конфуз! Не дай бог, отец прознает...

Покурили некоторое время молча.

– Мне кажется, Александр Павлович, вы на меня продолжаете дуться за то, что я тогда, в прошлом году, не принял ваше прошение о возвращении в Корпус...

– Ваше... Николай Александрович...

Император поднял ладонь и продолжил:

– А потом и другое – о выходе в отставку. Вам кажется, что я сделал это из личной вредности и пустого упрямства? Думаете, мне неизвестно, какие обо мне ходят слухи и анекдоты?

Бежецкий молчал.

– Вокруг меня, Александр Павлович, не так уж много честных, преданных всей душой, да просто порядочных людей. Жужжат целыми днями, плетут интриги, добиваются чего-то, если не для себя, то для своих родственников, ближних и дальних, сынков, дочек, кузенов, прочих протеже... Порой мне кажется, что подлинные бессребреники остались в далеком романтическом прошлом, когда слово «честь» было равноценно слову «жизнь»... Не знаю, стоит ли мне вам это говорить и верно ли выбран момент, но... Я уже довольно давно думаю о кандидатуре дворцового коменданта. Сдается мне, что князь Голенищев-Кутузов несколько засиделся на этом месте... Почему бы ему не посмотреть свет? В июле-августе освободится место посланника при Австрийском дворе. Помнится, Роман Алексеевич лично знаком с братом нашим его величеством Францем Третьим, императором Австрии и королем Венгрии, причем неоднократно выражал свое самое лестное мнение о манере его правления... Нам нужны такие люди в нашем дипломатическом корпусе. Вас же, Александр Павлович, я бы хотел видеть на его месте.

– Благодарю вас, ваше величество...

– Николай Александрович.

– Да, да, благодарю вас, Николай Александрович, но...

– Я думаю, что вам не стоит отказываться так сразу, Александр Павлович. Время подумать есть.

Император затушил сигарету и долго смотрел в глубину парка, неразличимую в темноте.

– Извините, Александр Павлович, я, кажется, не совсем хорошо себя чувствую сегодня и поэтому хотел бы уехать пораньше. По-английски, простившись только с вами. Надеюсь, вы сможете объяснить причину моего отсутствия на завершении обеда своим уланам и гостям? Сергей Витальевич пусть остается. Я возьму только свой автомобиль и автомобиль охраны...

Уже на пороге комнаты августейший гость обернулся.

– Знаете, Александр Павлович, – пожаловался он как-то по-детски. – Предчувствие у меня какое-то... Нехорошее...

7

– Ну что, начнем, помолясь? – весело спросил Николаев-Новоархангельский, потирая руки словно перед добрым застольем.

Несколько дней назад по зашифрованному каналу было получено официальное разрешение из Санкт-Петербурга на вскрытие «кургана», выглядевшее, на первый взгляд, не более чем рекомендацией, но для Бежецкого с подчиненными имевшее статус приказа, причем подлежащего неукоснительному исполнению. Александру не оставалось ничего иного, как «взять под козырек», постаравшись, насколько это было возможно, обеспечить безопасность проведения работ.

Два дня ушло на сооружение некоего подобия подъемного крана, состоявшего из двух портативных лебедок, нашедшихся среди массы оборудования, притащенного с собой, и стволов вековых кедров, скрепя сердце пущенных под пилу, несмотря на отсутствие разрешения не только Лесного департамента, но и местных властей. Бежецкий про себя понадеялся, что в самый разгар работ не появится какой-нибудь заблудившийся лесник и не разгонит всю разношерстную компанию, как в том анекдоте. Делиться своими опасениями со спутниками он не стал, небезосновательно полагая, что подобный анекдот им неизвестен...

Третий и четвертый день потратили на обустройство укрытия, в котором должны были прятаться крановщики в момент подъема «крышки». Научники по своей интеллигентской манере попытались подойти к его строительству спустя рукава, но все попытки схалтурить были пресечены суровым начальником экспедиции сообщая с ученым триумфатором, поэтому блиндаж удался на славу: объемистый, просторный, крытый бревнами в три наката... Наверняка сие фортификационное сооружение могло бы выдержать обстрел ста пятидесятимиллиметровыми фугасными снарядами. Особенно серьезно отнесся Александр к его герметичности, целиком и полностью отказавшись от всяких там амбразур и окон, заменив все это выдвижным наблюдательным прибором вроде перископа, для которого электронный бог экспедиции приспособил одну из видеокамер. Леонард Фридрихович и академик Мендельсон все это одобрили безоговорочно, а Агафангел Феодосиевич – с ворчанием, хотя и не стал спорить, что при выхлопе радиоактивной пыли, вполне возможном при вскрытии «крыши», только практически полная герметичность убежища, а еще лучше – избыточное давление внутри (баллон со сжатым воздухом среди оборудования тоже имелся) спасет находящихся там от облучения.

Теперь же все подготовительные работы были завершены, плита надежно зацеплена тросами, а основной состав экспедиции удален на безопасное расстояние. Решив быть осторожным до конца, Бежецкий и их укрыл в отрытой за пару дней траншее. В блиндаже укрылись с пультами лебедок один из подручных Александра и казак-доброволец, соблазненный изрядной премией, посуленной ему за участие в опасном мероприятии.

– Начнем? – обернулся Николаев-Новоархангельский к соратникам, настороженно следившим за артефактом кто в бинокль, кто – через монитор. – Не желаешь поплясать с бубном? – Это уже относилось к серьезному до предела Тунгусу. – Духов злых, так сказать, умилоостивить... Может, жертва какая нужна? Ты только свисти!..

– Моя не шаман, – с достоинством ответил абориген, смерив взглядом превосходящего его ростом больше чем на полторы головы физика-помора. – Моя охотник. Моя православный. Сам пляши с бубном.

Пикировка этого дитя природы с лауреатом множества премий и обладателем высоких научных званий была так уморительна, что все рассмеялись, несмотря на серьезность момента представив маститого ученого, исполняющего обряд камлания.

– Прекратите заводить нашего проводника, Агафангел Феодосиевич! – вытирая слезы, выступившие на глазах от смеха, заявил профессор Кирстенгартен. – А то обидите его, и он будет при нашей ретираде... на обратном пути, словно Иван Сусанин...

Реплика антрополога вызвала новый приступ смеха. Все были возбуждены предстоящим действием до предела, поэтому готовы были хохотать по любому поводу и без такового.

– Ладно вам... – отсмеявшись, махнул рукой Николаев-Новоархангельский и спросил Бежецкого: – Начинаем?

Александр только пожал плечами:

– Вам и карты в руки...

– Блиндаж, блиндаж! – закричал физик в микрофон. – Вы меня слышите? Начинаем подъем по моей команде. Чуть что – останавливайте. Вы меня поняли?

В наушниках что-то неразборчиво хрюкнуло (связь в этих местах вообще была ни к черту), и помор торжественно махнул рукой, хотя никто, естественно, из блиндажа его видеть не мог.

– Давай!..

Зрители, затаив дыхание, смотрели, как тросы, охватывающие углы плиты, напряглись, камень заметно дрогнул и... Импровизированный кран легко, будто пушинку, оторвал его от земли. Событие, к которому так долго готовились, оказалось весьма будничным...

– Стоп!!! – заорал Агафангел Феодосиевич в микрофон, и плита закачалась в воздухе в полутора метрах от того места, где пролежала столько лет, медленно поворачиваясь вокруг своей оси.

– Фон?.. – напряженно окликнул профессор склонившихся над приборами ученых.

– В норме...

– Уф-ф... – Новоархангельский вытер струящийся по лбу пот и снова приник к микрофону. – Отводи на весу на ровную площадку!.. Ага... Ага... Опускай!

Плита мягко опустилась на заранее расстеленный под раскидистым кедром брезент и замерла, чуть-чуть подняв один из углов.

– Поздравляю вас! – Агафангел Феодосиевич слегка поклонился зрителям, будто известный артист публике. – Вскрытие артефакта завершено... Где же громы и молнии небесные, обязанные посыпаться на голову святотатцев?

Ответа не было. Шутить в подобном тоне никому почему-то не хотелось.

– Еще не вечер... – вполголоса пробормотал академик Мендельсон и, независимо сунув руки в карманы куртки, первым вышел из укрытия...

* * *

– Гора родила мышь.

Совет старейшин экспедиции, собравшийся в палатке, пока молодежь была занята приготовление шашлыков из добытой накануне Тунгусом косули, уныло подводил итоги многодневных трудов, не принеших практически ничего нового. Речь держал Михаил Абрамович, скептик по призванию.

– Остается констатировать, что, несмотря на археологические находки вокруг артефакта и в нем самом, научная ценность нашего пребывания здесь, столь дорого обошедшегося казне, фактически нулевая. Да, мы привезем с собой неизвестные дотолем предметы культуры раннего сибирского Средневековья, хотя не представляю, каким образом мы доставим в обитаемые места снятую с холма плиту... Да, произведенные нашими коллегами замеры, – неопределенный жест куда-то за пределы палатки, откуда доносились веселые голоса, – помогут проверить кое-какие гипотезы и подвести солидную экспериментальную базу под теорию сопряженных пространств. Однако...

Академик Мендельсон замолчал, но все и без него знали, что экспедиция провалилась. Ожидаемый действующий проход в иной мир найден не был. Конечно, некие процессы в толще артефакта и на его поверхности шли, и это было очевидно всем, имеющим отношение к их изучению. Но что прикажете делать с мертвым холмом, периодически подающим признаки жизни только на уровне колебаний электромагнитного поля, и то улавливаемых лишь самыми тонкими приборами? Ничего не дал даже предпринятый после того, как было установлено, что источником радиации является не что иное, как злополучная плита, подкоп через всю толщу холма, целью которого была обратная сторона скалы, на которой покоился резной камень. Если не учитывать недельных трудов членов экспедиции, переквалифицировавшихся без различия возраста, статуса и научной степени в землекопов, с огромным трудом пробившихся сквозь напичканный камнями, словно шоколад фабрики «Эйнем» орехами, бугор, результат был тот же. Нулевой.

– Я считаю, господа, – завершил свое краткое выступление Михаил Абрамович, – что мы должны приступить к свертыванию экспедиции. Имеется еще немало потенциально интересных объектов... Лямбда-два, в частности... К исследованию которых можно приступить незамедлительно, оставив здесь небольшой, постоянно действующий пост с чисто наблюдательными функциями... Я прав, Александр Павлович? – спохватился ученый, вспомнив о номинальном главе экспедиции.

Что мог возразить на это Бежецкий? Сообщить ученым, что еще два дня назад послал в столицу сообщение о результатах экспедиции и потребовал дальнейших инструкций, но пока не получил ответа? Конечно, он в провале всей операции не был виноват никоим образом, да и не обвинял его никто, но неудача давила почище пресловутой плиты...

Все собравшиеся ждали его ответа, давно, видно, обсудив проблему в узком кругу. Вообще, все собрание было затеяно, чтобы открыть руководителю карты – это было видно и слепому.

– Думаю, что Михаил Абрамович прав. – Паузу тянуть дальше было нельзя. – Пора приниматься за сборы...

Внезапно Александр поймал себя на мысли, что давно уже не слышит бодрой переключки костровых...

Послышался скрип снега под чьими-то торопливыми шагами, приближающимися к палатке, и в распахнутый вход просунулось непривычно бледное лицо Алехи Маятного, одного из конвойных казаков.

– Э-э-э... – замялся он, растеряв, видно, по дороге запас умных слов. – Там чудеса какие-то с той горушкой творятся!..

* * *

Испугаться казаку было с чего.

В опустившейся на лагерь темноте, над скрытым наполовину холмом артефакта бушевала целая световая метель. Напоминающие сполохи полярного сияния столбы и спирали призрачного света свивались в радужные узоры, распались, чтобы снова создать эфемерную, будто в трубочке детского калейдоскопа, картину...

– Все фиксируется? – не отводя освещенного потусторонним сиянием лица от феномена, деловито поинтересовался Агафангел Феодосиевич у Смоляченко, замершего рядом с совсем по-детски открытым ртом. – Видеозапись? Приборы?..

– Конечно, – ответил за потерявшего ощущение реальности «восходящего светилу квантовой физики» академик Мендельсон. – Все приборы в норме, я уже проверил...

– А это самое?.. – спросил из-за спин ученых Бежецкий. – В норме?..

– Абсолютно! Никаких отклонений от ординара, даже странно. Можете не беспокоиться за свое «это самое»...

Нерешительно прозвучавший на фоне буйства потусторонних сил смешок будто спугнул «иллюминацию».

Так же внезапно, как и началась, вакханалия световых эффектов оборвалась, и на зрителей рухнула темнота, тут же сменившаяся неярким после увиденного светом прожектора.

Разрытый артефакт никоим образом не изменился. Александр со своего места видел даже брезентовую рукавицу, брошенную кем-то из беспечных ученых на краю прямоугольного углубления, оставшегося на месте снятой плиты.

– Что это было? – робко подал кто-то голос, но из-за волнения он так дрожал, что обладателя невозможно было определить.

– Вероятно, какой-то физический процесс, связанный с теми самыми флуктуациями, – авторитетно сообщил во всеуслышание профессор Николаев-Новоархангельский, подходя к самому холму и приседая на корточки перед выемкой. Еще секунда, и он протянул бы руку, чтобы пощупать ее дно...

Какая-то мохнатая тень кубарем выкатилась из темноты и, с недовольным ворчанием отпихнув физика-помора от раскопа, воткнула длинную палку в самый центр прямоугольника.

Жердь в руках Тунгуса (а это был, конечно, он) на глазах онемевших от изумления ученых, не встречая никакого сопротивления, легко уходила в глубь выстилающей дно выемки скальной породы, о которую тупились самые твердые инструменты...

8

– Дывысь, Грицю, який гарный жупан на сим хлопци!..

Сознание, а вместе с ним и окружающий мир возвращались к Владимиру постепенно, склеиваясь из каких-то вроде бы ничем не связанных осколков: дуновения ветерка, надо сказать довольно сырого и неприятного, ощущения чего-то жесткого, холодного (даже ледяного) и неровного под спиной, малороссийского говора, невозможного здесь по определению...

Стоп! Малороссийского?..

Разомкнуть глаза удалось с трудом и далеко не с первой попытки, что добавило к небогатой коллекции ощущений еще и яркий, режущий глаза свет...

– Да вин живой, Опанасе! Дывысь, як зенками лупает, курва крымчаковская!..

– Я вот ща ему полупаю!..

– Ни, Опанасе, не можно... Вин же тоже чоловик, хучь и крымчак... Треба до куреня волочь.

– Господа... – Язык ворочался с трудом, словно примороженный к гортани. – Господа, помогите мне...

– Да вин же на москальской мове лопочет, Грицю! Слухай!

– А як же крымчак?..

– А мабуть вин и не крымчак. Слухай, чоловик, ты кто: татарин чи москаль?..

Глаза наконец привыкли немного к яркому свету, и Бекбулатов разглядел смазанные очертания склонившихся над ним двух человек, одетых пестро и диковинно. Цветные кафтаны, высокие смушковые папахи, длинные вислые усы на бритых круглых лицах... Казаки... Запорожские казаки...

– Я русский, господа казаки, москаль по-вашему...

– Забожись, лярва!

С трудом подняв руку, Владимир кое-как осенил себя православным крестным знаменем, вернее, обозначил его, догадавшись, что именно этого от него и ждут.

– Крестится, песий сын! Православный!..

– Чого ж ты молчал, байстрюк! Опанасе, подмогни мне поднять його...

Едва только милосердные, но чересчур грубые руки подхватили штаб-ротмистра под микитки, не ощущавшаяся до этого момента, словно тоже примороженная, боль окатила все его тело таким огненным водопадом, что, скрипнув зубами, Бекбулатов провалился в райские кущи благословенного забвения...

* * *

– Ну и горазд же ты спать, хлопче! – Лицо седого представительного мужчины, сидящего у изголовья постели Владимира, от добродушной улыбки все пошло мелкими морщинами, словно печеное яблоко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.